

Паромагия

Дмитрий Самохин

Опережая бурю

«Автор»

2009

Самохин Д.

Опережая бурю / Д. Самохин — «Автор», 2009 — (Паромагия)

Это мир пара и магии. Исполинские воздушные корабли бороздят небесные просторы, по улицам городов ездят паромобили, а планетой правят не императоры и короли, а магические логи. Но устоявшийся порядок жизни вот-вот разрушит пропавший артефакт, принадлежащий расе мимикрейторов. Кто такие мимикрейторы? Откуда они пришли? Не знает никто. Они тайно живут среди людей уже не одну сотню лет. Из-за пропавшего артефакта в разных уголках земли открываются воронки червотчин, из них на землю проникают чудовища из других миров. По улицам городов бродят адские псы Фарлонги, убивающие на своем пути все живое. Сквозь столицу туманного Альбиона бредет Неупокоенный мертвец, жаждущий мести. Мимикрейторы прокляли землян, укравших их сокровище. Судьба всего человечества находится в руках барона Карла Мюнха, мага логи Белого Единорога, Лоры Ом, единственной женщины на военной службе Российской империи, и их верного помощника настоящего русского мужика Микони.

© Самохин Д., 2009

© Автор, 2009

Содержание

ЧАСТЬ 1. МИМИКРЕЙТОР	6
Глава 1. Воздушные исполины	6
Глава 2. Последняя воля	9
Глава 3. Смерть Дракона	15
Глава 4. Дуэлянты	20
Глава 5. Дуэль	26
Глава 6. Последнее дежурство	32
Глава 7. Чёрная Роща	37
Глава 8. Вынужденный компаньон	41
ЧАСТЬ 2. МЮНХ	46
Глава 1. Волчица	46
Глава 2. Караморгул	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Дмитрий Самохин

Опережая бурю

*Благодарю за помощь и поддержку Иара Эльтерусса,
Еву Самохину и Юлию Немчинову*

Когда уходят герои, на арену выходят клоуны
Генрих Гейне

ЧАСТЬ 1. МИМИКРЕЙТОР

Глава 1. Воздушные исполины

Ветер гудел в печной трубе и заволакивал мальчишку. Ему чудилось в печном гуле неземное волшебство, словно сам Малахай Зима разгуливал по крыше и дул в трубу, проверяя, нет ли ему ходу. О его зловредности мальчишкам рассказывала бабка Агриппина, живущая одиноко на другом конце деревни, а ребяшня, обожающая волшебные сказки, и рада слушать. И если ход найдется, то просочится Малахай в дом, и закружит, завьюжит, заморозит всех до смерти лютой, пугала Агриппина детишек.

А их печь потухла уже почитай часа два назад. Отец с матерью тихо-мирно спали, последний сон досматривали. У крестьянской семьи последний сон самый короткий, зато самый сладкий. Старшие братья крепко дрыхли на печи, похрапывали. Разбудить их всегда проблема. Ни в какую вставать не хотят. Отец выстрелит над ухом из ружья, не проснутся. Правда, не проверяли, но тут и проверять нечего. Кому как не ему Старху, старших братьев не знать.

Пока родители и братья спали, они не могли увидеть его маленькую тайну. А то расшумелись бы, сказали: «чернокнижия покорился, часом не бабка ли Агриппина научила, недаром ее все в деревне ведьмой кличут. Почитай шестой десяток лет разменяла, а ни мужа, ни детишек не нажила. Все стороной обходят, шорохаются». Кому скажешь, что сила эта божья, от рождения ему дарована, не поверят. Родные не поверят, мамка с батей не поверят. Чего уж про соседей, да друзей говорить.

А если сейчас огонь в печи не разжечь, то Малахай проберется. Этого нельзя допустить. Можно конечно и дедовским способом: кремнем и затопочкой, но ее стругать надо. Никишка, брат средний, не приготовил с вечера, его это обязанность-то, а он слентяйничал. Вот потому и придется огонь сперва в себе разжечь, а потом в печь его и направить.

Огонь то это что? Это первичная стихия, как бабка Агриппина учила. Умная она бабка Агриппина то. Все из огня произошло, в огонь и вернется. Стало быть, и его Старха сила божественная, потому что изначальная. Так ему бабка Агриппина нашептала. Она же и сказала, чтобы никому кроме нее не рассказывал о своем умении. *«А то весь свой век в колдунах и проходишь. За лекарством там, травкой какой или наговором заговором к тебе ходит будут, а вот ни друзей, ни невесты не съездишь. Люди сторониться тебя будут, словно чумной какой»*. Сам-то Старх по младости лет никогда и не задумывался ни о чем подобном.

Старх приоткрыл печной заслон, аккуратно сложил поленья шалашиком, чтобы лучше занялись, и присел возле очага на корточки.

Огонь сперва в душе родиться должен. Так он разумел. Глаза закрыл, и представил пламя яркое, задорное. Оно весело пляшет в засушливое лето по тайге, что даже иной раз из города приплывают воздушные баржи с водой заливать разбушевавшуюся стихию, пока огонь до города не дополз.

Сперва не получилось. Никак образ не рождался. А потом перед глазами как вспыхнул пожар, да такой, что аж дух захватило. Старх даже зажмурился внутренне, пламя глаза слепило.

Теперь самое трудное дело. Огонь душевный, воображаемый в физический воплотить, но и с этим Старх справился играючи.

Глаза открыл, а пламя никуда не исчезло. Перед взором танцевало, ярилось. Старх силой воли швырнул огонь в печь. Он лизнул бревенчатый шалашик, вкусил, распробовал подношение, да стал жадно его поедать.

Теперь Малахай Зима в дом не проберется. Нет ему хода.

Старх поставил заслон, и утер рукавом рубахи выступивший на лбу пот. Утомился. Все-таки щепой и лучиной огонь в печи разжигать куда сподручнее, но интереса никакого. Этим пусть братья старшие занимаются.

Старх взобрался на полати и, сам не заметил, как погрузился в легкую, но чарующую дрёму.

Разбудил отец, склонившийся над сыном. От отца приятно пахло свежим хлебом и луком. Он потрепал Старха по голове, взъерошил волосы, и сказал:

– Солнце уже взошло. Вставай, давай, соня-засоня.

Старх поднялся на локотках, и посмотрел утренней совой на батю. Морщинистой доброе лицо, убежденное седой бородой и пышными усами. Как же он любил отца.

– Сын, ты это сходи к Авдотьевым. Спроси дядю Матвея, пойдет ли он со мной завтра на охоту. Если же согласен, то уговорись хорошенько.

– Бать, а меня с собой возьмешь?

– На медведя то? – Отец усмехнулся. – Рановато тебе еще. Вот когда пойдем тетерева охотить, тогда возьму. Обязательно.

– Обещаешь?

– А то, как же! Когда я тебя обманывал.

Эти слова отца и его ласковый голос убедили Старха. Он вскочил с полатей, натянул штаны на исподнее, накинул рубаху, подвязал ее тугим кожаным пояском с красной каемочкой, мамин подарок, они с батей прошлой осенью в город ездили, вот и привезли, намотал на ноги портянки, да сунул ноги в сапоги, старые, разношенные, но ещё крепкие.

– Я бегом. – Пообещал Старх, вглядываясь в морщинистое лицо отца.

В избе тепло и уютно, так что и на улицу идти не хотелось. Весело трещал дровами огонь в печи, мама расставляла тарелки на стол, да помешивала варящуюся кашу. Эх с малиновым бы ее вареньем, да нету, все закончилось к исходу зимы. Братья уже давно на улице. Батя Никишке по первое пропесочил за не заготовленную с вечера растопочку, так что теперь он трудился, наверстывал упущенное, а старший брат Иван колот дрова.

Старх накинул на плечи пальтишко, продел руки в рукава, и, лишь запахнувшись, бросился на улицу.

Оказавшись за порогом дома, Старх скатился по ступенькам крыльца кубарем, и оказался в сугробе. Не удержался, ноги соскользнули. Морозный свежий воздух заполнил грудь, и смешался с восторгом, переполнявшим душу мальчика.

И откуда, только взялась эта волна безудержного счастья?

Из будки высунулась лохматая голова кабыздоха. Серая свалывшаяся шерсть с рыжими подпалинами. Умные и страшно печальные глаза Пирата, любимца всей деревенской ребятни, оглядели двор, задержались на мальчонке, и пес сладко зевнул. Скинуть бы половину годков, он бы вылетел с залиvistым лаем из конуры, и все утро носился бы с мальчишками, катался бы в снегу и бегал бы за палкой, как в растворившейся в небытие юности.

Пират потянулся, и скрылся в будке.

«*Стар совсем Пират стал*» – подумал Старх. Ведь ещё совсем недавно батя принёс его щенком, в варежку кутал, чтобы оторванный от мамки детёныш не замёрз. Как раз дело по зиме и было. Ему Старху тогда аккурат четыре года исполнилось. Теперь же Пират совсем разленился, даже из будки вылезал редко. Батя его на охоту продолжал таскать, да всё подумывал отправить на пенсию, как ветерана, да нового щенка принести. Вон по осени, когда на уток ходили, Пират вместо трех одну тушку приволок. Остальные в кустах пёс Авдотьевых нашёл, и принёс.

Авдотьевы жили на другом конце деревни. И хоть деревня их, старые солдатские выселки, числом изб не велика, да все равно по морозцу бежать далековато.

Затерянную в лесах деревушку основали вышедшие в отставку солдаты и старшины. Она давно уже и основательно выросла в эти сибирские земли. Не одно поколение сменилось. Воспоминания о тех, кто когда-то вырубил лес, расширяя прогалину, да поставил первые восемь срубов под избы, давно уже истерлось из памяти. А деревня продолжала жить своей незаметной для окружающего мира жизнью. Лишь только Затерянный тракт соединял пульсирующей жилкой деревеньку, затерянную в лесах, и заштатный провинциальный городок Молчанов.

Над домами возвышался раскачивающийся частокол вековых сосен. От печных труб клубился к ясному упоённому синевой небу белый дым. Перекрикивали друг друга петухи, блеяли нестройно овцы, да заунывно мычали коровы. Звуки просыпающейся деревни.

Старх бежал по дорожке. Она петляла между домами и выходила аккуратно возле дома Авдотьевых к Затерянному тракту. Он слышал новый звук, непривычный для просыпающейся деревни. Звук шёл из-за леса. И Старх узнал его. Сердце защемило от восторга. И он тут же позабыл о поручении отца, и устремился к реке. Увидеть ИХ ещё раз, прикоснуться пускай и одним взглядом к мечте...

Выбежав на укутанную снегом гору, у подножия которой стелилась извилистая лента реки, Старх остановился, и зашарил взглядом по небу.

Он сразу же углядел ИХ, величественные стальные корабли, украшенные имперскими штандартами, двуглавыми орлами на желтом фоне. Издалека они казались царапинами на небесном холсте, досадными ошибками, допущенными создателем. Но они неумолимо приближались, увеличиваясь в размерах. Стальные корабли поражали воображение мальчика своей затаённой мощью, захлёстывали романтическими фантазиями юную его душу.

Вот уже корабли показались над лесом, заполнили собой небо. Черные гиганты, напоминающие стальные вытянутые свеклы с башенками и бойницами, бортовыми орудиями и паровыми трубами, чадили сизым дымом, истаявающим бесследно в чистоте сибирского неба.

По земле бежали тени, отбрасываемые кораблями, вечные двойники воздушных исполинов. Тени накрыли соседний берег, пробежали по лесу и сорвались в обрыв, миновали речку, и накрыли мальчишку с головой.

Высоко задрав голову, Старх с открытым ртом следил за медленно проплывающими боевыми кораблями воздушного флота Её Величества. На одном из таких кораблей, когда-то служил его дед, так батя рассказывал, и мальчишка упивался мечтами о том, что когда-нибудь и он окажется на одном из них. И теперь, наблюдая корабли воочию, он не мог оторвать глаз, а в душе пылал огонь.

Так и стоял на крутом холме над речкой, пока последний самый маленький корабль не истаял за горизонтом. Он позабыл о поручении бати, о собственных задумках на сегодняшний день, не обращал внимания на голод, крутивший живот.

Тогда Старх поклялся, что будет летать на таких кораблях. Он тогда свято верил и мечтал об этом, но даже и подумать не мог, что его мечтам суждено будет сбыться.

Глава 2. Последняя воля

Мартин Локирд сегодня не собирался идти на службу в Адмиралтейство. Срочных дел не было, а последний раз он брал выходной недели три назад, когда ездил к бабушке в Рочестер.

Старушка захворала, да скисла, письмо прислала, мол, написала завещание, готовится по осени в гости к Творцу. Три дня на бабушкином чае и овсяной каше пошли на пользу, как Мартину, так и бабуле. Мартин похудел на пару килограммов, а старушка духом воспряла.

На сегодня особых планов Мартин не строил. Суматоха последних недель совершенно вымотала его. Он хотел тишины и покоя, поэтому решил остаться дома, навести порядок в материалах для докторской диссертации по истории столетней войны. Давно пора было этим заняться, да все руки не доходили. Вечером же можно прогуляться в корчму «Шип и терновник», что в двух кварталах от дома. Плотно и вкусно поужинать, пропустить кружку дружную тёмного пива. Мартин очень любил эту корчму, и предпочитал ее любой другой. Здесь не только пальчики-оближешь кормили, но и пиво было с собственной пивоварни. Такой насыщенный сладковатый портер умели варить только тут.

Все его планы на свободный день разрушил настойчивый стук во входную дверь, сопровождаемый пением магического охранного периметра. Магическая защита дома предупредила о появлении на пороге незнакомца с магическим даром.

«Какого черта? Кого городовик по улицам таскает?» – раздраженно подумал Мартин, выбираясь из рабочего кресла и откладывая в сторону бумаги.

Мельком глянув в зеркало, он поправил причёску, застегнул верхнюю пуговицу на рубашке, и спустился по железной винтовой лестнице из кабинета в холл. Перила неприятно холодили руки, а шаги гулко отдавались в пустом и молчаливом доме. Возле входной двери рядом с вешалкой стоял невысокий столик на гнутых ножках. На нем на подносе возвышался черный деревянный кулак размером с футбольный мяч. Мартин наложил руки на кулак, и аккуратно его повернул. Когда Мартин убрал ладони, поднос окутал серый туман, сгустившийся из пустоты. И в этом тумане проявилась картинка. Изображение транслировалось с приёмного устройства, расположенного над крыльцом дома Мартина и показывало званных и незванных гостей.

На крыльце стоял мужчина в черном дождевике, заляпанном грязью. Пешком он, что ли через весь город шел. С обвисшей широкополой шляпы каботанского фасона, надвинутой на глаза, стекала вода. Мартину человек был незнаком, но и опасений не внушал. К тому же магический охранный периметр не включал сигнал опасности, значит, человек пришел с добрыми намерениями, и на хозяина не накинется с ножом и удавкой. По крайней мере, в первое время. Впускать незнакомца душа не лежала, но Мартин поборол себя и открыл дверь.

– Доброе утро, сэр.

Визитер скривился, словно откусил от гнилого яблока, и обнаружил внутри червяка.

– Утро отнюдь не доброе, я бы даже сказал наоборот. Позвольте представиться, я Дремли Дрём. Мне нужен Мартин Локирд.

Голос незнакомца был тихим и шуршащим, словно звук осенних листьев перебираемых ветром по аллеям парка.

– Мартин Локирд перед вами.

– Очень хорошо. Я к вам по неотложному делу, сэр. Разрешите войти, – потребовал Дремли Дрём.

Можно было конечно спустить наглеца с крыльца и захлопнуть дверь, но что-то удержало Мартина от этого шага. Он посторонился, пропуская визитёра в дом.

И тут же понял, что поступил правильно.

– Мартин Локирд из ложи Черного Дракона? К тому ли я Мартину Локирду пришел? – уточнил Дремли Дрем.

В полусумраке холла Мартину показалось, что глаза гостя необычайно блеснули.

– Неисповедимы пути, идущие окольным путём, рано или поздно придут к намеченной цели, – туманно ответил Мартин.

Дремли Дрём знал, что Мартин маг и принадлежит к Верховной ложе Чёрного Дракона. Мало кто мог похвастаться такими знаниями. Если этот Дремли Дрём Ищущий, он должен знать формулу доверия. Но кто он такой, и что, раздери его дракон, ему потребовалось?

– Я всегда следую пути, начертанному крыльями Чёрного Дракона, – важно ответил Дремли Дрём.

Он знал правильные слова. Значит, Дремли Дрем не случайный человек, а Ищущий.

– В таком случае будьте моим гостем. И перед камином за рюмочкой превосходного коньяка – у меня великолепный французский коньяк – мы обсудим вашу проблему. Вы любите коньяк? – стараясь быть радушным хозяином, предложил Мартин.

– Я предпочитаю выдержанное ирландское виски. Да времени на него нет. Я исполняю чужую волю. Прошу вас, без промедления одевайтесь и следуйте за мной.

– К чему такая спешка? – удивился Мартин.

Еще никто не отказывался от его коньяка. Этот Дремли Дрем определенно ему все больше и больше не нравился.

– Мой клиент умирает и просит вас.

– Странная просьба. Я не падре и отпускать грехи не умею.

– Мой клиент не нуждается в отпущении грехов, по крайней мере, земного падре. Он мимикрейтор.

Мимикрейтор?! Эта новость ошеломила Мартина. Если бы гром, молнии и градины размером с кулак свалились бы посреди бела дня ему на голову, он вряд ли бы так изумился. Чудовищная неслыханная вещь, умирающий мимикрейтор пригласил человека, мага к своему смертному одру. Мартину не доводилось слышать о подобном. Ни разу, хотя мимикрейторы тайно живут среди людей уже не одну сотню лет.

Мимикрейторы были окутаны тайной для всех. Рядовой обыватель, не наделенный магическим даром, считал мимикрейторов сказкой, персонажами народного фольклора. Маги знали, что мимикрейторы существуют, но не могли ответить на вопросы: кто они, откуда пришли, где и как прячутся на Земле, сколько их на планете. Даже члены Верховной ложи Черного Дракона, не смотря на все приложенные усилия и уйму затраченных денег, так и не смогли пролить свет на сущность и происхождение мимикрейторов. Они оставались загадкой. Зачем они прячутся среди людей? Присутствуют ли они на Ближнеце?

Люди и дальше продолжали бы оставаться в неведении, даже и не подозревали бы, что рядом с ними живет и развивается чужая раса, если бы не сами мимикрейторы. Время от времени они искали встреч с людьми, принадлежащими к одной из многочисленных магических лож. Как они распознавали магов среди обычных людей, никто не мог сказать. При этом они сами не излучали магической силы. Над этим вопросом ломали головы лучшие умы Земли. При каждом контакте мимикрейторы строго преследовали свои цели. Добившись своего, они тут же теряли интерес к людям и исчезали бесследно.

Мартин не мог не заинтересоваться предложением Дремли Дрема. Если контакты с мимикрейторами еще встречались, то умирающего мимикрейтора еще никому видеть не доводилось. Из тех скудных крох информации, что удалось собрать Чёрным Драконам, было известно, что умирание для мимикрейтора сакральное действие. Никто из посторонних к смертному одру не допускался. Смерть дело одинокое. Одна из тех освященных тысячелетиями традиций, которую хранят наперекор всему. И эту традицию предстояло нарушить по воле умирающего мимикрейтора. Мыслимое ли дело. Мартин не имел право отказаться от столь

выгодного предложения. К тому же мимикрейтор явно имел какое-то дело к ложе Черного Дракона, просто так сотрясать воздух не в их стиле. И это интриговало, а сердце замирало перед открывающейся перспективой карьерного роста. Рядовой маг пускай и Верховной логи после такого свидания мог взойти на самую вершину пирамиды, казавшейся для рядовых членов логи недостижимой.

– Кто вы, сэр? – Поинтересовался Мартин, окидывая Дремли Дрёма пронзительным взглядом оценщика.

Лицо гостя Мартину разглядеть не удалось. Его скрывала провисшая мокрая шляпа.

– Можете считать меня душеприказчиком. – Незамедлительно ответил Дремли Дрем. – Прошу вас, давайте поторопимся, а то можно и не успеть.

Мартин решил, попросил две минуты и, оставив Дремли Дрёма в холле, поднялся к себе. Он надел черную рубашку и черные штаны, завязал кружевной галстук, поверх накинул строгий черный шерстяной сюртук. После недолгих раздумий Мартин опоясался перевязью со шпагой. Взглянул в зеркало. В целом остался доволен своим видом. Только чего-то все-таки не хватало. Новенький револьвер системы «Бульдог» удобно и незаметно улегся в карман пиджака. Шпага шпагой, но случись что, на нее надеяться глупо. В последний раз сверкать сталью Мартину приходилось лет пять назад, казалось в другом мире и в другой жизни. Когда идешь в гости к мимикрейтору, нужно быть готовым ко всему. На шею он набросил новенький белый шерстяной шарф, купленный в Вест Енде не далее как вчера вечером. В холле он натянул на ноги сапоги военного фасона, ныне они уверенно маршировали по миру моды, накинул на плечи плащ и водрузил на голову шляпу.

Дремли Дрём оказался на редкость неразговорчивым типом. Как только Мартин вышел из дома, запер за собой массивную дубовую дверь, активировал защитное магополе, проводник буркнул:

– Следуйте за мной.

И, не обращая внимания на спутника, зашагал по серому булыжнику мостовой вдоль одноэтажных и двухэтажных домов из красного и черного кирпича.

Весь путь к дому мимикрейтора они проделали пешком. Идти же пришлось на другой конец города. Первые несколько кварталов Мартин радовался пешей прогулке. Потом загрузил.

Хмурый дождливый город баловал горожан погодой. Плотные тучи разошлись, открывая солнечным лучам дорогу к промозглой сырой мостовой и унылым серым зданиям.

Постепенно прогулка превратилась в бешеный забег. Дремли Дрём неумоимо мерил шагами мостовую, не обращая внимания на Мартина, еле-еле поспевающего за ним. Дремли Дрем торопился исполнить свою миссию: привести человека к смертному одру мимикрейтора.

Непривычный к столь долгим и изнурительным прогулкам Мартин предложил воспользоваться кэбом. Дремли Дрем даже не обернулся, лишь качнул головой, но Мартин решил не сдаваться. Он сказал, что можно воспользоваться одним из многочисленных городских порталов, доступных только магам. Дремли Дрем скептически хмыкнул, но смолчал. Мартин решил, что дом мимикрейтора настолько затерян в джунглях Большого Дыма¹, что найти его можно только путешествуя пешком. Если самим мимикрейторам удавалось изящно прятаться среди людей, то и их жилища должны быть также основательно сокрыты от посторонних глаз.

Мартин сперва пытался запомнить дорогу, но уже через несколько кварталов взгляд замылился, и он перестал узнавать местность. Они до сих пор бредут по улицам Фогштиля или незаметно перенеслись в какое-то другое место? В пользу последнего говорило то, что прошли они уже изрядно, но ни моста, ни даже намёка на какую-либо речушку не было. Если это все еще Фогштил, то куда подевалась Темза?

¹ Жители Фогштиля за густой смог часто называли свой город между собой Большим Дымом.

Неожиданно Дремли Дрём остановился, и шагнул в темную арку. Мартин готов был поклясться своей драконьей сущностью, что еще несколько минут назад никакой арки и в помине не было. Лишь сплошная кирпичная стена.

За аркой оказался тихий уютный дворик, заросший пожухлой зеленью, и основательный двухэтажный каменный дом красного цвета с башенками. Стены дома заросли плющом. Из сплошного чехла плюща выглядывали лишь окна-бойницы, но в дом через них даже солнечный свет заглянуть не мог. Мешали черные толстые шторы. Маленькое крылечко три ступеньки и двухстворчатая дверь с резными ручками и стучалкой в виде головы льва.

Ничем не примечательный домик. Один из тысячи подобных домиков, затерянных в большом городе. Но, не смотря на это, Мартин застыл не в силах и слова вымолвить. От этого дома веяло какой-то непостижимой магической силой, заключённой внутри стен. Только подумав всего каких-то несколько шагов, и он сможет увидеть мимикрейтора. Мало кто из магов мог похвастаться этим, а он мог не только прикоснуться к легенде, но и, чем дракон не шутит, самому стать легендой.

Когда Мартин пришёл в себя от наваждения, навеянного старинным домом, Дремли Дрёма нигде видно не было. Душеприказчик исполнил волю умирающего и ушёл, также неожиданно, как и появился.

Мартин поднялся на крыльцо, и взялся за дверной молоток. Ударил раз, и дверь подалась в глубь дома. Никто не запирает её, и, правда, зачем запирает дверь жилья, которое невозможно отыскать без проводника. Сюда никогда не вломятся грабители, и не придут бандиты. Неосторожный бродяга, желающий переночевать под крышей заброшенного дома (а он и впрямь выглядел заброшенным), не увидит его, даже если очень будет нуждаться в крове.

Стараясь унять волнение, Мартин вошел в дом и закрыл за собой дверь, отрезал себя от внешнего мира. Так ему показалось. Затертая ковровая дорожка, ведущая к лестнице. Стены, затянутые серой пыльной тканью. Запах пыли насытил воздух, так что и дышать было нечем. Из мебели в глаза сразу же бросилась рогатая вешалка, почему-то стоящая по центру коридора. Мартин тут же аккуратно повесил на нее плащ, подспудно ожидая подвоха. Чего он ждал? Что вешалка рассыплется под тяжестью его плаща, или, что она внезапно кинется на него, и попытается укусить, Мартин и сам понять не мог. Ну не нравилась ему эта вешалка.

Не торопясь и стараясь не шуметь, Мартин обошёл весь первый этаж дома, но везде находил лишь запустение и сумрак. Складывалось впечатление, что в этом доме никто не живёт, и давно уже не жил. Где же постель умирающего мимикрейтора? Его завели в ловушку, и весь этот дом одно лишь сплошное надувательство? Но зачем кому-то его в ловушки заманивать? Мартин птица не высокого полета. Всего лишь клерк в Адмиралтействе, да и в ложе стоял на третьей, самой низкой, ступени посвящения.

В сумерках натываясь на посторонние предметы, Мартин отыскал лестницу, и поднялся на второй этаж, стараясь не скрипеть рассохшимися ступенями. В одной из комнат он обнаружил двуспальную кровать, укрытую чёрным балдахином. На кровати лежал человек с потухшими неподвижно смотрящими в потолок глазами. Исхудалое костлявое лицо, ввалившиеся щеки, порезанный морщинами лоб, лысая, словно коленка, голова с пигментными пятнами.

Мартин видел перед собой умирающего человека, отрешившегося от жизни, уже одной ногой стоящего в другом мире. Но Мартин понимал – никакого человека на кровати нет. Глаза обманывали его, показывая лишь наведенную картинку.

В первую минуту Мартин ужаснулся. Он опоздал, и мимикрейтор умер. В том, что он видит мимикрейтора, у него не осталось сомнений. В ту же секунду существо глухо и заунывно завывало. И от этого вытья повеяло такое неземной жутью, что Мартин отшатнулся и с трудом подавил в себе инстинктивное желание дать дёру.

Несколько минут он топтался на пороге, не решаясь подойти ближе, но все же пересилил себя, приблизился к кровати и опустился на смятые простыни.

Одежды на умирающем не было. Голое высушенное приближающей смертью тело, кожа да кости, провалившийся живот без пупка и гладкая затёртая поверхность на месте полового органа.

Умирающий заметил присутствие постороннего. Голова несчастного качнулась, приходя в движение, и медленно повернулась к нему. Тусклый безразличный к окружающему миру взгляд прошёлся по Мартину, словно оценивая, достоин ли он доверия. И, наконец, мимикрейтор заговорил. У него был сухой, словно трескучий мороз голос, от него бросало в дрожь, но Мартин слушал, стараясь ничего не упустить.

И от каждого нового слова чужака у Мартина шевелились волосы на голове. Он чувствовал, что перед ним открывалась великая тайна, и не по своей воле он становился ее хранителем.

Времени на откровения оставалось все меньше и меньше. Слова давались умирающему с трудом, а еще так много нужно было сказать.

Мимикрейтор поставил Мартина перед выбором. Согласиться на предложение и взвалить на свои плечи тяжкий груз миссии. Или отказаться и тем самым предать умирающего и самого себя. Ответственность пугала, но поступить иначе Мартин не мог. В сущности, у него и не было выбора, лишь его иллюзия. Иллюзия свободы. Ведь только подумать он будет первым, кто прикоснется к реликвии иномирной цивилизации. Место в зале славы Черных Драконов ему обеспечено. Его имя войдет в анналы мировой магической истории.

Мартину повезло. Умирающий был не рядовым наблюдателем, а Хранителем. Мимикрейторы знали о ложе Черного Дракона. Когда подошел к последней черте Хранитель, и подле не оказалось никого из своих, он не нашел иного пути, как обратиться к Драконам.

Хранитель просил о тайной и чрезвычайно важной услуге. За неё мимикрейторы готовы были щедро заплатить. Вопрос оплаты Мартин даже не затронул, хотя он его очень заинтересовал. Грешно меркантильные вопросы у смертного одра решать. Мимикрейторы не политики, не обманут. Время на исходе. Мартин боялся не успеть услышать все инструкции.

Он, не раздумывая, согласился исполнить последнюю волю умирающего.

Хранитель взглянул на него затуманенным взором, и коснулся костлявой рукой лба Мартина. Все необходимые для исполнения миссии знания оказались у него в голове. Передачей информации через прикосновения не владел никто из магов на Земле, хотя некоторым и подвластна была телепатия. Мартин к такому повороту событий был не готов. В первое мгновение, когда знания хлынули в него, чуть не лишился рассудка. От обилия информации закружилась голова, и перед глазами поплыли белые пятна, но он все же выстоял.

То, что Мартин увидел следом, навсегда запечатлелось в его памяти. Хранитель воздел бледные костлявые руки и, сложив ладони лодочкой, коснулся живота. Его пальцы потеряли очертания, расплылись в бесформенное пятно, соприкоснувшись с телом. Под воздействием рук живот разошелся в стороны. Не было ни крови, ни боли, лишь блаженная улыбка, застывшая на лице мимикрейтора. Из своего нутра Хранитель извлек необычайной красоты кристалл, светящийся ровным изумрудным светом.

Мартин не мог оторвать взгляд от кристалла. Он завораживал его, манил к себе. Мартин чувствовал колоссальную магическую силу, заключенную в нем. И не мог справиться с волнением, которое его охватило. Перед ним в ладонях чужака покоился, быть может, самый могущественный артефакт из тех, что хранились на Земле. Ни «Слезы Дракона», ни «Последний Свет» не могли сравниться с ним по силе.

Когда Мартин взял в руки кристалл, он почувствовал необычайную легкость и понял, что расстаться с ним будет тяжело. Практически невозможно. Как добровольно отдать в чужие руки такое могущество? С этим кристаллом он мог стать величайшим магом Земли, а без него... что он стоил без этого кристалла...

Хранитель прохрипел что-то неразборчивое. На большее у него не осталось сил.

И началась...

... дьявольская свистопляска...

Потеряв подпитку от бездонного источника магической энергии, мимикрейтор приблизил свою смерть. Его тело запульсировало изнутри призрачным светом. И в каждой пульсации сквозь обманную оболочку человека проглядывало иное существо. Человеческая оболочка истончалась, и Мартин видел на смертном одре чудовище. Ничего подобного Мартин и вообразить себе не мог, даже в кошмарном сне. На Земле и Близнеце не было ничего похожего. Волна отвращения захлестнула его, захотелось бежать без оглядки, но тут же отпустила.

Кристалл налился теплом. Оно просочилось сквозь ладони, даря Мартину успокоение.

Внезапно тело мимикрейтора вздыбилось дугой. Хранитель распахнул пасть-рот в беззвучном крике, и тут же рассыпался в серый прах, словно и не было его никогда на Земле.

Некоторое время Мартин просидел на кровати, не в силах пошевелиться. Смерть мимикрейтора впечатлила его, но в то же время легла на душу тяжким бременем. Могущественный артефакт пришельцев отныне принадлежал ему, но стоит ли об этом сообщать Великому Магистру ложи. Если он выполнит волю умирающего, никто не узнает об этом, и Мартин Локирд так и останется магом третьего уровня и до вершины ему предстоит еще ползти, и ползти. Если же он отдаст артефакт Великому Магистру, тот поднимет его в иерархии ложи. Да за такой подарок его должны ввести в состав Магистрата с правом вето. Только вот Мартин сомневался, что Великий Магистр вернет артефакт его истинным хозяевам. Такое могущество из рук добровольно выпустить он не сможет, а Мартин не мог этого допустить. Он поклялся умирающему и обязан был сдержать клятву.

Глава 3. Смерть Дракона

Мартина ничто больше не задерживало у ложа покойного мимикрейтора. Он спустился по скрипучей лестнице, и покинул дом. Миновал дворик и вышел из арки. И тут его настиг сильный приступ неизвестно откуда взявшегося кашля.

Кашель разодрал горло. Холодный пронизывающий ветер бросил в лицо пригоршню грязных брызг из ближайшей лужи. Откуда они только взялись? Ещё утром ни одной лужи не было, а теперь одинокие булыжники мостовой выступали островками среди луж. Неужели пока он сидел у постели умирающего, мир снаружи так сильно изменился?

Мартин плотно закутался в шарф, стараясь спрятаться от непогоды, но осенний раздрай плотно засел внутри него. Кашель не успокаивался, драл горло Мартина калеными щипцами. Не хватало воздуха. Мартин не удержался, содрал с лица шарф, зашелся в кашле, и ухватился за водосточную трубу, чтобы не упасть. Накатила внезапная слабость. Еле на ногах устоял.

Несколько минут его неудержимо крутило. Казалось, легкие вырвутся сейчас из груди на мостовую, и запрыгают как вытащенные из воды рыбки. Свеженькое лакомство для дворовых кошек. Вон их, сколько деловито снует по улице.

Один особо наглый черный кот с обрубленным хвостом и рваным ухом уселся возле грязной обшарпанной стены напротив Мартина, и стал вылизываться с невозмутимым царским видом. Его совершенно не трогал задыхающийся молодой человек в дорогом черном плаще, сапогах военного фасона и шляпе, сбившейся на затылок. Кот полный достоинства умывался.

Приступ миновал. Кашель утих, только в легких, словно жаба квакала. Откуда она там взялась? Ещё утром он был здоров, а сейчас как будто уже пару лет туберкулезом заживо гниет.

По водосточным канавкам, окаймлявшим брусчатку, весело журчала вода, неслась вниз по улице, забирая с собой уличную грязь, кухонные помои и кошачье дерьмо. Сливные ямки виднелись через каждый десять метров. Возле слива поток закручивался в воронку, устремляясь в катакомбы, расположенные под городом, а уцелевшие ручейки бежали дальше по улице.

Отдышавшись, Мартин оторвался от водосточной трубы, пошатнулся, и сошел на мостовую. Он поправил на голове шляпу и огляделся по сторонам, нет ли на улице случайных свидетелей его слабости. Запахнулся шарфом и, сгорбившись, побрел вниз по темной улице.

Добраться бы до дома дотемна.

Сумрак окутал все вокруг, предвеляя ночную тьму. Окна домов одно за другим загорались огнями. Вдоль улиц медленно загоралась цепочка газовых фонарей, дорожка светлячков на пути Мартина.

В такую хмарную погоду люди на улицу и носа не казали. При жарких каминах и очагах в домашних халатах и пижамах они коротали часы за привычными ежевечерними делами: возились с детьми, резались в карты с друзьями, нежились в постелях с женами и любовницами, пили коньяк и бренди, вино и шампанское, сладкий стаут и горький портер. Даже кабаки и таверны пустовали в этот вечер. Людей тянуло к одиночеству.

Тени кривлялись на стенах домов. Их отбрасывали деревья, шатающиеся под порывами ветра. Тени принимали причудливые формы, разрастались до небес, и съеживались к земле. Тени пытались предостеречь. Тени говорили о гибели, но их никто не слышал.

Мартин торопливо спускался по извивающейся улочке мимо старого заброшенного кладбища к круглой площади с фонтаном и сухим деревом. Он спешил попасть домой, согреться возле очага, и убаюкать больное горло кружкой другой глинтвейна. Старое проверенное средство должно избавить от кашля. А уж потом можно и заняться изучением кристалла мимикрейторов, пока не объявился новый Хранитель.

Второй приступ кашля скрутил Мартина на площади. Чтобы не упасть, он ухватился рукой за стену. Холодная и скользкая стена вызвала волну мурашек, побежавших по телу.

И откуда этот проклятый кашель взялся? Неужели какую-то иномирную гадость подхватил от чужака, тогда точно конец. Ни один Целитель не вытащит с того света. Если только артефакт о нем не позаботится, как-никак, но он его новый Хранитель. А если Хранитель скучается, то, что будет с артефактом?

Второй приступ быстро сошел на нет. Волна облегчения прокатилась по телу Мартина. Лоб покрылся испариной.

«Что за дерьмо тут происходит?» – подумал он.

Часом не проклятый взгляд мимикрейтора накрыл его? Люди поговаривали, что есть де у мимикрейторов взгляд особый. Как он тем взглядом посмотрит, так тут же человек примет на себя вечное проклятие. Никто из драконов в эти суеверия не верил. Для простолюдинов мимикрейторы стали такими же персонажами городского фольклора, как оборотни, выворотни, вампиры и прочая нечисть. Но если с оборотнем или вампиром в Час Зова можно было столкнуться на кривой улочке, то мимикрейтор сам выбирал, с кем и когда ему встречаться.

Мартин с трудом узнавал место, где он оказался. Вроде бы он шел здесь утром, а может, и нет. В любом случае до дома путь неблизкий, а на улице заметно похолодало, да и здоровье капризничало. С каждым новым шагом Мартин чувствовал себя все хуже и хуже. В легких медленно тлел вулкан, в ожидании третьего извержения, руки и ноги ныли, словно у старого ревматика. Единственное, что грело, это сверток за пазухой – наследство мимикрейтора.

Позади остались площадь и спящий фонтан. Осенью его отключали, но по весне и летом, он радовал горожан, собирая стаи детворы и праздных зевак. Фонтан изображал многоголовую гидру, вставшую на дыбы. Пасти распахнуты в немом вопле. Тело напряжено. Гидра изговилась к бою, и только гений скульптора заставил ее окаменеть. Напротив гидры замер воин. Голову украшал богатый шлем с плюмажем. В руке круглый щит, в другой внушительных размеров меч. Он словно бы выискивал уязвимое место у гидры, чтобы нанести удар.

Мартин скользнул равнодушным взглядом по композиции, обогнул фонтан, и свернул на улицу Медников.

От дома умершего Хранителя за ним следовал грязный черный кот с обрубленным хвостом и рваным ухом. Кот уверенно бежал за путником, всем своим видом показывая, что у него своя прогулка, но сомнений не оставалось. Его цель Мартин, а он ни о чем не подозревал и не обращал внимания на подозрительного кошака.

Кашель вновь дал о себе знать. Скрутило так, что не продохнуть. Мартин остановился, облокотился о стену, и тут заметил кота. Кот почувствовал взгляд человека и тоже встал. Уныло мявкнув, он опустился на зад, посидел несколько секунд, наблюдая за двуногим, затем раскинул ноги, и стал нагло вылизываться.

Подумаешь кот. Велика важность. Мартин не придавал ему значение. Мало ли дворовых котов бегают за людьми в надежде поживиться. А до дома еще так далеко, чтобы забивать голову всяким хламом.

Сверток за пазухой согревал. От ощущения этого тепла становилось легко и радостно, не смотря на осеннюю хмуру, тусклые уличные фонари и раздражающий горло кашель.

Ярко освещенные окна домов горели путевыми маячками. Две стороны одного мира. Внутренняя – уют домашнего семейного очага. В этот мир Мартину дорога заказана. Его удел идти по изнаночной стороне мира, где кроме него и, быть может, этого несчастного подрванного кота никого и не было. Появилось смутное ощущение обреченности. Ему никогда не вернуться домой. Так и будет плестись по окраине мира, пока не наступит конец света.

Кирпичная стена преградила улицу, и задумавшийся Мартин уткнулся в нее. Откуда она здесь взялась? Неужели он настолько увлекся, что сам не заметил, как свернул в тупик? Быть того не может. Мартин не сомневался, что шел верной дорогой. Здесь не должно быть никакого тупика.

И что теперь делать? Возвращаться, и искать новую дорогу?

Мартин коснулся рукой стены. Холодная скользкая, такой и должна быть настоящая стена в этом отсыревшем насквозь городе. Стена настоящая, но вот откуда она взялась?

Артефакт за пазухой налился жаром. Даже сквозь рубаху жгло, но пока терпимо, даже приятно. Источаемое кристаллом тепло наполняло Мартина силой, и боль в горле и легких отступила. Кашель как рукой сняло, возможно, это и временное явление, но минутная передышка и, то хлеб.

Мартин хотел вернуться к предыдущему повороту, и найти другую дорогу, но обнаружил за спиной еще одну стену. Черную старую с выщербленным кирпичом. Она выглядела так, словно стояла здесь лет сто, а то и все двести. И не скажешь, что несколько минут назад её и в помине не было.

Выросшие стены вплотную примыкали к домам, образуя коробочку. Внутри неё оказался Мартин. Поймали как жука, накрыли сверху, и готовятся к экзекуции. Кто-то охотился за ним, шел след в след, а теперь от преследования перешел к атаке заклинанием «Узника». Нехитрое, но весьма сильное заклинание, которое прошло бы с кем-нибудь другим, но не с адептом ложи Чёрного Дракона.

Мартин вызвал из памяти образ «Молота», наплатил его силой, и метнул руками в магическую стену. Заклинание разбилось брызгами о кирпич и стекло вниз. Мощи «Молота» хватило бы, чтобы разметать с десяток таких стен, но клетка выстояла.

Мартин изумился. Устоять против «Молота» не каждый посвященный в силы. Либо неуязвимость «Узника» поддерживает маг высшей ступени, либо врагов много.

Впрочем, выяснять это времени нет. Кирпичные стены пошли зигзагообразными трещинами, выпуская десятки стальных пик. Теперь стены напоминали ошестинившегося дикобраза. Стены вздрогнули и пошли навстречу друг другу. Мартин вновь прибегнул к «Молоту» и так же безрезультатно истратил его. «Молот» оказался бессилён против сдвигающихся стен, даже стальные пики не изломал. Словно и не «Молотом» Мартин ударил, а расческой непослушнее кудри пригладил, которые тут же развернулись в прежнюю силу.

Стены были все ближе и ближе. Время песком утекало сквозь пальцы.

Мартин посмотрел вверх. Где-то там, в черноте вечера проглядывали тусклые осенние звездочки. Единственный выход на свободу находился там на высоте трёх этажей. Преодолеть их, перепрыгнуть стену последний шанс. Заклинание «Кузнечик» требовало огромных затрат силы, но ему это не грозило. У него за пазухой находился кристалл мимикрейторов, бездонный колодец магической энергии.

Мартин вызвал из памяти заклинание, и применил его. Почувствовал, как ноги наливаются необычайной легкостью, а булыжник под ногами становится упругим. Мартин присел и подпрыгнул. Он взлетел вверх, и оказался на вершине стены. По ней с невозмутимым видом прогуливался черный ободранный кот.

Стена под ногами продолжала двигаться.

Вокруг простирался укутанный вечерним туманом засыпающий город, продырявленный смазанными огоньками газовых фонарей и чуть более тусклыми светящимися окнами домов. Городок напоминал тысячеглазого каменного дракона, посаженного на поводок реки.

Стены столкнулись, и насадили себя на стальные пики. Опора под ногами Мартина зашаталась. Он присел, намереваясь спрыгнуть на мостовую, когда ободранный кот с шипением и истошным воем прыгнул на него. Кот вонзился когтями человеку в лицо.

Мартин, не ожидавший нападения от казавшегося мирным бродячего кота, невольно отшатнулся, и потерял равновесие.

Кот вцепился в лицо человека, и отчаянно заработал лапами, превращая его в мясной фарш.

Мартин почувствовал дикую боль, затопившую сознание.

Его когти... боже, у котов не может быть таких когтей... были острее кинжальных лезвий...

Мартин перестал чувствовать лицо. А еще через несколько секунд лишился глаз.

Мартин не мог видеть, но уловил истинным зрением, в воздух выплеснулся поток управляемой магической энергии.

Кот обращался. Его туловище удлинилось, наращивая массу, затрещали кости, голова увеличилась в размерах, и начисто облезла. Хвост втянулся в тело. Лапы обратились в руки, натянутые в черные перчатки с обрезанными пальцами. Черная с проплешинами шкура превратилась в распахнутую на голой волосатой груди шубу и кожаные штаны, опоясанные веревкой. Массивную шею украшала золотая цепь с арканом обращения – танцующим шутом, жонглирующим масками.

Мартин выставил перед собой шпагу, выхватил из кармана револьвер, и стал стрелять на звук.

Выворотень, закончивший процесс трансформации, хищно осклабился. Пули свистели мимо него. Он выбил шпагу и револьвер из рук ослепленного дракона, и поймал Мартина в объятия. Притянул его к себе, и жадно присосался к кровавому фаршу лица. Нашел губы Мартина, и впился в них.

Выворотень активировал заклятие «Иссушение» и засосал жизненную силу мага. В то же время руки выворотня шарили по телу Мартина в поисках того, ради чего он вышел на охоту.

Выворотень обнаружил артефакт мимикрейтора, и вырвал его из-под плаща мага.

Мартин не сопротивлялся. Неожиданное нападение и заклятие «Иссушение» выели у него все силы. С потерей же артефакта, Мартин почувствовал себя немощным стариком, стоящим на пороге смерти. Вспомнился агонизирующий мимикрейтор, изогнутую дугой человеческую оболочку, рассыпавшуюся прахом. И в эту секунду Выворотень отпустил Мартина, позволяя ему свободно падать на мостовую, вместе с рассыпающейся стеной.

Мартин проиграл непоправимо и глупо. Артефакт в чужих руках. Мартин обманул надежды Хранителя, и поступил в интересах ложи Чёрного Дракона. Жизнь покидала его, но он не чувствовал страха. Смерть лишь перерождение. Обида и разочарование угнетало его душу, готовящуюся покинуть изуродованное тело. Как это могло случиться, что его мага ложи Чёрного Дракона смог переиграть, и убить обыкновенный Выворотень? А был ли он обыкновенным? Откуда вообще взялся этот Выворотень?

Ответить на эти вопросы Мартин не успел. Он умер, раздавленный осыпавшейся кирпичной клеткой, созданной при помощи заклятия «Узника». И в тот момент, когда он умер, охранный артефакт ложи Дракона пробудился.

Выворотень уже успел отбежать на несколько метров, забыв об убитом маге, когда почувствовал за спиной угрозу. Он резко обернулся, и узрел поднимающегося над обломками разрушенной клетки большого черного inferнального дракона. Старый, с потрепанной исцарапанной черной шкурой-панцирем, грядой костяных игл вдоль спины, кожистыми могучими крыльями и зубастой пастью, источающей вековое зловоние.

Выворотень почувствовал свирепый взгляд мудрых глаз, и в ту же секунду Дракон поднялся на задние лапы, распахнул крылья, и дунул огнем.

В последний момент Выворотень прыгнул в сторону и активировал процесс обратной трансформации. Убить дракона ему не по силам, ускользнуть в теле человека тоже нереально. Одна надежда, кот существо маленькое, его не сразу и заметишь.

Выворотень действовал скорее инстинктивно, чем обдуманно. И сразу же почувствовал все последствия своей ошибки.

Лапы кошки не могли удержать артефакт. Он выскользнул, и покатился по наклонной брусчатке мостовой. Хорошо не разбился. Выворотень потерял его из виду. Процесс транс-

формации завершился. С высоты человеческого роста он мог бы уследить за кристаллом, но в шкуре кота это было невозможно.

С Драконом он справиться не мог. Оставалось только спастись бегством.

Глава 4. Дуэлянты

Личные покои офицера третьего ранга Юрия Святозара выглядели монашеской кельей. Княжеский отпрыск вырос в роскоши и богатстве, каждый его шаг контролировали с десятков слуг, пытаясь предупредить все его желания. Поступив на действительную военную службу, Святозар отказался от всего, что было привычным для него в детстве и юности. Жил скромно, полагая, что роскошь для солдата, как чернильное пятно на новой сорочке.

В его каюте всегда царил идеальный порядок. Каждый предмет находился на своем месте. Ничего лишнего. Два кресла, одежный шкаф, письменный стол с принадлежностями и кровать. Единственное, что выделялось из общей скромной обстановки, это магофон на крышке письменного стола. Магофон не полагался Святозару по рангу, но на его установке настояла семья. Это был единственный случай, когда Святозар уступил отцу.

Солнце лилось сквозь не зашторенное окно в каюту. Хозяин покоев в нервном возбуждении мерил ее шагами. Офицер третьего ранга Юрий Святозар был высоким статным мужчиной с крупными чертами лица, густыми бровями и маленьким, искривленным в вечной усмешке ртом. Он носил коротко стриженные волосы и маленькие чёрные усики, словно выведенные чернильным карандашом. В лице Святозара читалось изрядное смешение кровей, но доминировала русская и немецкая кровь.

– Каков наглец!!! Нет, ну каков наглец!!! – вспыхнул Святозар и резким движением рванул рубашку возле горла.

Верхняя пуговица отлетела, но его этот конфуз несколько не смутил.

Форменный синий китель офицера воздушного флота, расшитый золотом, небрежно упал на спинку кресла. Офицерская шляпа с гербом Воздушного флота Её Императорского Величества и пышными перьями лежала на столе, куда он её бросил, когда ворвался в свою комнату.

– Мой дорогой, тебе нужна свежая голова и ясный рассудок, – елеиным голосом произнес поручик Денисов.

Он вальяжно разлегся в кресле, заложил ногу на ногу, и чинно покачивал ею, демонстрируя своё благостное расположение духа.

– Володя, дорогой, ну как же они все оборзели!!! Совсем зарвались!!! Эта немчура проклятая. Понаехала на Россию матушку, а теперь порядки свои устанавливает. И ведь нигде бы там служит, не на передовой, не палубным офицером на нашем корабле, нет. Эта немчура в Тайном кабинете, военная разведка, белая кость. А ведь в нутро им глянть. Кто таков? Баронишко!!!! БА-РО-НИ-ШКО!!! И ведь даже не по крови, а так... И на тебе мне князю замечания делать будет!!!

– Юрий, у тебя через полчаса дуэль на верхней палубе, а ты кипишь как паровой котел. Уймись!

Денисов энергично поднялся из кресла и подошёл к окну. Он распахнул его, и выплянул наружу. Сильный холодный ветер ударил в лицо, заставляя поручика зажмуриться.

– Я пытаюсь, Володя!!! Но эти крысы из военной разведки меня просто раздражают!!! Пока мы кровь проливаем на фронтах, они отсиживаются за нашими спинами, так ещё и вынюхивают всё время, вынюхивают, и вынюхивают...

Святозар в сердцах грохнул кулаками по крышке письменного стола. Магофон опасно подскочил к краю.

– Ты сам виноват, Юрий. Сам, – Денисов высунулся наружу, под брюхом штандарт-флагмана «Рюрика» проплывали убранные поля и маленькие деревеньки с чадающими печными трубами, – Ты же видел, что в офицерской комнате барон. Зачем так громко и рьяно высказы-

ваться на тему акул в чёрных мундирах, проклятых особистах и прочем. Тебе бургундское в голову шибануло? Не смог вовремя остановиться?

– Ещё слово, Володя, и я тебя вызову, – нахмутив брови, предупредил Святозар.

– Ты сначала с предыдущим вызовом разберись, – усмехнулся Денисов, – А то не хорошо получится может. Наобещаешь, а выполнить не сможешь.

Он закрыл окно и вернулся к креслу.

– Барон что? Тыфу и растереть! – небрежно ответил Святозар. – И не таких баронов ломали. Вот ведь странно. За ним право выбора оружия, а он отчего-то избрал пистолеты. Я в благородство играть не буду. Барон прекрасно фехтует, а мы его как собаку паршивую застрелим. Бешеную собаку надо пристрелить. Вот мы так и сделаем.

– Барон известный задира и бузотер. И пистолеты для него такие же родные, как шпага или скажем руки. Так что не обольщайся, победить будет не так уж легко, – предостерёг Денисов.

– Что за пораженческий настрой?

Святозар сдёрнул китель со спинки кресла, и накинул на плечи. После того как Денисов открывал окно, в комнате заметно похолодало. Скромный синий офицерский китель помимо золотого шитья и позолоченных пуговиц имел лишь наградную планку, исполненную в виде изогнутой сабли. К ней был подвешен миниатюрный наградной знак «За отличие в учебе».

– Я трезво смотрю на жизнь, – ответил Денисов, – Ты ещё не поймал соловья, и не посадил его в клетку, но уже хочешь, чтобы он пел для тебя. Так не бывает.

– Чёрные мундиры должны знать, что здесь среди настоящих боевых офицеров все эти их штабные выкрутасы не пройдут, – гордо заявил Святозар.

– Мой друг, ты, решил побороться за честь воинского мундира. Неблагодарное это занятие, – заметил Денисов. – К тому же, не того противника ты выбрал для этого. Не забывай, что барон не простой человек.

– Да будь он хоть дьяволом! Я понаделаю в нём дырок! – Пламенно воскликнул Святозар.

– Одумайся. Дуэли запрещены. Если бы ты вызвал кого-нибудь из рядовых офицеров, это могло бы сойти с рук. Адмирал сумел бы замять дело. Но тут дело попахивает государственным скандалом. Если дуэль состоится, и кого-нибудь из вас убьют...

– Ты не веришь в мою победу? – вскинулся Святозар.

– Хорошо. Если ты убьёшь барона, скандал докатится до двора Императрицы. Барон не последняя фигура в иерархии Тайного кабинета. Тут уже дело замять не удастся.

– Плевать! – горячо воскликнул Святозар. – Я прослышу на флоте героем!

– Или дураком, – тут же заметил Денисов. – Что часто бывает одно и то же, но всё же случаются и исключения.

– Прекрати, Володя. Ты заражаешь меня пораженческими мыслями, а это не есть хорошо.

– Пойдём тогда что ли в офицерский клуб. До встречи на верхней палубе есть ещё время, перекинемся в карты.

Святозар застегнул мундир на все пуговицы, надел шёлковые белые перчатки и, пропустив Денисова вперёд, вышел из каюты.

* * *

На диване с витыми ножками, клетчатой обивкой и валиками подушек лежал мужчина лет тридцати в небрежно распахнутом чёрном кителе с серебряным шитьём и серебряным значком «Голова Единорога» на правом нагрудном кармане. Черные форменные брюки с белыми лампасами от долгого лежания даже не измялись. Белая рубашка расстегнута на волосатой груди, галстук фривольно сдвинут в сторону.

Мужчину звали барон Карл Иероним Мюнх. Он чинно курил трубку и разглядывал потолок каюты.

Коротко стриженные тёмные волосы, чистые ясные глаза зелёного цвета с искоркой-хитринкой, аккуратные усы, подчеркивающие благородную форму губ, и изящная борода от середины нижней губы по подбородку к шее.

Карл предавался вынужденному безделью, впрочем, его это вполне устраивало. Диван, трубочка со вкусным табачком – что может быть лучше в короткие минуты затишья между бурями. Но наслаждаться бездельем ему не дали.

В каюту без стука ворвался Миконя, по прозвищу Питерский. Большой неуклюжий мужчина в гражданском сером сюртуке и широких штанах свободного кроя. Внешним видом он напоминал русского купца. Длинные лохматые черные как смоль волосы, собранные в косу, окладистая борода, насмешливые глаза и густые брови.

Миконя некогда служил у прежнего барона Мюнха. Старый барон поручил ему присматривать за своим наследником. Карл вырос у него на глазах. Миконя повсюду следовал за ним во всех его скитаниях. Про Миконю поговаривали, что он де *«быстро запрягает, да резко сдает»*. Лучше, мол, зимой голым в берлогу к медведю слазить, чем Миконю разозлить.

– Вы все разлеживаете, батюшка барин. Не дело это. Не ко времени, – с порога запричитал Миконя.

Он опустился на табурет. Табурет под ним печально скрипнул о пощаде.

– А что ты мне прикажешь делать? – Заинтересованно спросил Карл, выпуская клубы дыма к потолку. – До randevu на верхней палубе осталось еще...

Он чинно вытащил из кармана кителя часы-луковицу на серебряной цепочке, отщелкнул верхнюю крышечку и сообщил.

– ... целых сорок минут. Так что я отдыхаю.

– Эх, Карл Иеронимыч, Карл Иеронимыч, и какая муха вас укусила. Зачем оно вам. Почто судьбу искушать. Пьяная мелюзга о черные мундиры язык чесать вздумала, а вы поддались на провокацию.

– В том-то и дело, Миконя, что пьяная. Если мы каждой пьяни позволим вести себя столь дерзко, то ведь и на шею сядут, ножки свесят и поедут. Ни в грош уважать магов не станут. – Карл поднялся с дивана и сел. – А если серьезно, то скучно мне стало, Миконя.

– Скучно вам, батюшка барин. Скучно видите ли. Вы уж меня простите, но как мальчишка говорите. Как мальчишка. А если не ровен час, князишка этот Святозар вас подстрелит, что извольт прикажете?

– Подстрелит? Кто? – изумился Карл, затягиваясь дымом. – Это Святозар-то подстрелит? Не смей мой разум. Мал он еще, чтобы барона Мюнха подстрелить. Слабоваты поджилки. Вдумайся, Миконя, он смел твкать на меня, что я, мол, дескать, баронишка, да еще и к тому же по магической линии. А он князь. Князь по крови. Но кровь вырождается. И вырождение это на лицо. А я барон-маг, я свой титул заслужил. И достойно несус его, клянусь своей шляпой. И передам его в руки достойного мага, Миконя.

– Рановато вам еще об учениках думать, батюшка барин. Рановато.

– Об учениках всегда время думать. Только вот ученики не мухоморы, под каждой елкой не растут. Ученика еще найти надо. Вот пока найдешь, состариться успеешь, как покойный мой учитель. Пусть земля ему будет пухом.

Карл умолк, вспоминая старого барона. Миконя же закатил вдохновенно глаза, и заговорил:

– Да, батюшка Иероним Карлович добрейшей души человек был. Только вот завидовали ему много, да палки в колеса так и норовили сунуть. Его это и погубило. А как охоту любил. Помнится вот, бывало отправимся мы охоту...

Миконю понесло. Если его не остановить, он до самого вечера будет вспоминать о былых подвигах, а вспомнить есть о чем.

– Скажи, Миконя, – прервал его Карл, – За какие такие прегрешения князь Драгомысл отправил меня на этот флагман. Не понимаю. Ведь это фактически ссылка. Но чем я провинился перед Тайным кабинетом?

– Эх, батюшка барин, вы меня в какой раз спрашиваете. Да кабы я знал, разве стал бы таить.

– А ты меня попрекаешь за невинные попытки развлечься. Дуэль, разве это не лучший способ развеять это застоявшееся болото.

Миконя в сердцах хлопнул себя по коленям широкими ладонями.

– Мой бог, да вы из-за скуки себя готовы убить.

Карл рассмеялся.

– Старый ворон, бросай каркать. Я не собираюсь никого убивать. Ни себя, ни этого Святозара. Поучить уму разуму – это другое дело. А у князька нет никаких шансов подстрелить меня.

– Откуда такая уверенность? Вы собираетесь прибегнуть к магии?

– Как ты мог такое подумать? – вскипел барон. – Дуэльный кодекс запрещает использование магии во время поединка. Хотя шаловливые мысли о превращении смертоносной пули в безобидную вишневую косточку с последующим её прорастиванием внутри наглеца, признаюсь честно, у меня возникали. А что? Князь, плодоносящий вишнями, очень увлекательное зрелище.

Карл мечтательно закатил глаза, и затаился густым табачным дымом.

– Батюшка барин! Да вы что! – разволновался Миконя. – Вы не можете так поступить. У князя серьезная родня. Если юный Святозар погибнет на дуэли, это вам как-нибудь да простят. Но вот если вы из него посмешище сделаете, то не стерпят.

– Жаль. – Печально протянул Карл. – Такая идея хорошая гибнет на корню. Тем более что может быть хуже этой занудной ссылки. Не убьют же меня в конце концов. Князь Драгомысл не даст в обиду одного из самых преданных и исполнительных своих соратников.

Князь Драгомысл, глава Тайного кабинета, и Верховный магистр ложи Белого Единорога, особо благоволил к барону Карлу Мюнху. После гибели старого барона и наставника Карла, он приблизил юношу к себе и продолжил его обучение. Благодаря этому Карл быстро поднялся по карьерной лестнице. Прошло лишь каких-то восемь лет после унаследования магического титула, а барон уже входил в десятку лучших боевых магов ложи. А тут ссылка на год в захолустье. После успешного завершения очередного задания князь «обрадовал» новостью о его срочном переводе на штандарт-флагман «Рюрик», отправляющийся на воздушные манёвры в Сибирь. Иначе как ссылкой это назначение нельзя было назвать.

– Чувствую я, Карл Иеронимыч, от дуэли мне отговорить вас не удастся. Вы всегда славились своим упрямством. Если уж что решили, то ни шагу назад. Так вот может Федору Сергеевичу удастся. Адмирал хочет вас видеть. Я только что от него.

– Старый пройдоха.

Барон рывком поднялся с постели, не выпуская изо рта трубку. Энергично застегнул рубашку и китель на все пуговицы, водрузил на голову элегантную широкополую с пышными перьями шляпу, украшенную гербом Тайного кабинета – белым Единорогом, стоящим на фоне красного щита с чёрным крестом.

– Пойдешь со мной? – Спросил Карл.

– Да не, Карл Иеронимыч, я лучше здесь вас подожду. Куда уж мне в умные разговоры лезть.

Карл хмыкнул и вышел.

По пути к капитанскому мостику он столкнулся нос к носу с князем Святозаром и поручиком Денисовым. Они торопились в офицерский клуб. Карл сделал вид, что не заметил князя. Святозар поступил также.

Адмирал Барышников, массивный, немного похожий на русского медведя мужчина в летах стоял на капитанском мостике, сложив руки за спиной. Он внимательно наблюдал за рулевыми офицерами, управляющими движением неповоротливого штандарт-флагмана «Рюрика», плывущего над Сибирью. Адмирал носил окладистую седую бороду и усы, редкие светлые волосы лишь подчеркивали массивность лба. Казалось, адмирал рассеян и не обращает внимания на окружающих, в то время как он пристально и внимательно отслеживал все, что происходило вокруг него.

– Добрый день, – поздоровался барон.

– И вам хорошего настроения, – отозвался адмирал.

Капитанская рубка имела два яруса. На верхнем лишь возвышалось кресло адмирала, да рабочее место вахтенного офицера. В кресле адмирала имел право сидеть только сам Федор Сергеевич Барышников. Даже старшие вахтенные офицеры обходили трон стороной. Нерушимая традиция.

Нижний ярус напоминал густые джунгли из стальных трубок, различных датчиков и приборов. Они словно бы росли прямо из палубы. Офицеры-операторы, в сущности, наблюдали за жизнью штандарт-флагмана «Рюрик». Приборы показывали, как функционирует гигантский поршневой двигатель, расположенный в брюхе воздушного судна, работоспособность и послушность руля высоты и поворотов, уровень давления в огромном котле, который питал энергией все системы корабля. Трое рулевых за огромными красными штурвалами отслеживали курс «Рюрика», корректируя его по мере развития воздушной ситуации. Офицеры-наблюдатели суетились вокруг датчиков, заноса их показания в специальные бортовые журналы, и громко оповещали старшего вахтенного офицера обо всех изменениях относительно Абсолюта, нормального функционирования корабля. В ведение офицеров-тактиков, сидящих за экранами маговидов в левой половине нижнего яруса, находилось активное воздушное пространство, а также огневые палубы, где ровными шеренгами стояли внушительных габаритов мортиры класса «Везувий», и абордажные палубы, где ожидала своего триумфального часа легкая вооруженная пехота.

Верхний ярус от нижнего отделяла изящная деревянная балюстрада. Возле нее и стоял адмирал Барышников.

– Вы просили меня зайти, Фёдор Сергеевич? – Учтиво поинтересовался Карл, не сводя глаз с работающих офицеров.

Правильно говорят, что вечно можно смотреть на воду, на огонь и на то, как работают другие люди. Слаженно исполняющие свои обязанности рулевые офицеры завораживали, как в детстве огонь в очаге.

– До меня дошли...мда... так сказать, слухи... информация, уважаемый барон, о том, что недавно у вас произошла... мда... стычка, ссора с Юрием Андреевичем... одним из боевых офицеров «Рюрика».

Вопрос был определенно щекотливым. Адмирал Барышников испытывал некоторую неловкость, затронув его в приватной беседе с бароном.

– Вы правы, Фёдор Сергеевич, такой инцидент имел место быть, – спокойно ответил Карл. – Сухая пустяковина. Не извольте беспокоиться.

– О вас, уважаемый барон, говорят как о... мда... человеке вспыльчивом и... мда... отъявленном дуэлянте...

– В этом есть изрядная доля правды, – согласился Карл, взглянув пристально на адмирала.

Беспокоится старик. Ему осталось совсем чуть-чуть до почетной пенсии, а тут дуэль на корабле. Кризисная ситуация.

– Но! Когда человек переходит все границы, его следует поставить на место. Один из способов – это дуэль. Считайте, адмирал, это моим педагогическим методом воздействия. Я вот даже подумываю написать на досуге диссертацию на тему «Дуэль, как метод воспитания». Но всё руки не доходят.

– Возможно вы и правы... мда... но видите ли... в дуэлях часто кого-то убивают... мда... и тут я нахожусь в весьма затруднительной ситуации... если не сказать щекотливой... мда... у князя Святозара весьма влиятельные родственники... мда... у вас весьма серьёзный покровитель... Если убьют князя, с меня снимут три шкуры за то, что допустил дуэль. Если убьют вас, князь Драгомысл также испросит, почему на вверенном мне корабле произошла дуэль. Так что как не крути, везде клин получается. Не находите, барон?

– Да, Фёдор Сергеевич, вам не позавидуешь. – Криво усмехнулся Карл. – Помнится, однажды я попал в подобное щекотливое положение. Дело было в Ростове. Тамошний губернатор Гаркушев, молодой весьма человек, решил жениться. И принялся ездить по светским раутам в поисках потенциальной спутницы жизни... Впрочем, я увлёкся, не об этом сейчас речь.

– Барон, я ничего не хочу слышать и знать о дуэлях на этом корабле, – твёрдо заявил адмирал Барышников.

– К сожалению, я вызвал князя на дуэль и не могу отступить без потери чести. Так что дуэль всё равно состоится. Но я вам обещаю, что не буду убивать князя, я лишь легонько проучу его.

Карл коварно улыбнулся.

– Вы успокоили меня, барон.

Адмирал оценил улыбку собеседника.

– В любом случае, я ничего не слышал и не знаю ни о каких дуэлях, – развёл руками Барышников.

Глава 5. Дуэль

Верхнюю палубу, открытую всем ветрам, воздухоплаватели называли «Длань Господня». Над ней нависали дула «Разрушителя», главного орудия корабля. Они накрывали тенью всю площадку, ограниченную балюстрадой. На «Рюрике» имелась и вторая такая площадка, но она находилась в хвосте. Её использовали как взлётно-посадочную полосу для штурмовых истребителей и курьерских ваншипов, крохотных одноместных кораблей, курсирующих между штабом флота и боевой флотилией, вышедшей на огневые позиции.

«Длань Господня» в мирное время, на долгих перегонах во время учений и между сражениями использовалась для прогулок. Во время боя здесь разворачивали подвижные пулеметные точки, а боевые маги кораблей противников соревновались в магическом искусстве, превращая «Длань Господню» в своё оперативное поле.

По не писаному своду правил дуэли, происходящие на борту воздушного корабля, могли проводиться только тут. «Длань Господня» с одной стороны являлась частью боевого корабля, а с другой суверенной территорией, где формально каждый имел право делать то, что ему вздумается. И с капитана корабля «взятки гладки», никто из штабных не мог придаться к нему и спросить, почему он допустил дуэльный кураж на вверенной ему территории.

Первыми на «Длань Господню» поднялись на пассажирском лифте Карл Мюнх, Миконя Питерский и Жуль де Ла-Фер, огневой офицер, командир батареи третьей огневой палубы. В офицерском клубе Жюль постоянно искал общения с Карлом и всегда составлял компанию за партией в покер. Когда встал вопрос о секундантах, Карл сразу же попросил о маленькой услуге Жюля. Он тут же согласился, и вместе с Миконей отправился к секундантам Святозара улаживать формальности. Предстоящая дуэль ему не нравилась, но отговаривать барона от принятого решения – дело гиблое, сиречь абсолютно бесполезное.

– Смотрю мы первые, друзья. У нас есть возможность подышать свежим воздухом в спокойствии, – заявил Карл.

Он подошёл к перилам, ограждающим палубу, и, облокотившись, взглянул вниз на проплывающие под брюхом корабля бескрайние зеленые просторы сибирских лесов.

Зрелище воистину упоительное. Аж дух захватывало.

– Посмотрите, как здесь чертовски красиво! – Воскликнул Карл, оборачиваясь к друзьям.

– И чертовски холодно, – зябко поёжившись, ответил Жюль.

– Де Ла-Фер, как вам не стыдно. Портить красоту такими высказываниями. Вы не романтик, Ла-Фер. Не романтик.

– Я прагматик, барон. И когда мне холодно, я думаю не о красотах, пардон, а о пневмонии.

– Именно это и мешает вам, Ла-Фер, смотреть в будущее. Вы ограничены в своем мировоззрении. Поэтому-то вы и не верите в возможность путешествий между звёзд. А я утверждаю, друг мой, что в скором времени мы покинем притяжение Земли и отправимся к Марсу или, на худой конец, к Луне.

Путешествие к звездам служило темой для дискуссии между бароном и офицером уже не один месяц. Но к единому мнению они так и не пришли.

– Из пушки? – скептически спросил Жюль.

– А почему бы и нет. Пушка, не бортовая, и даже не «Разрушитель», а специальная разгонная пушка придаст кораблю для перелёта между звёзд ускорение. Ах, что с вами разговаривать, – махнул рукой Карл.

– Эта ваша история уже очень известна. Её пересказывают во всех салонах. Наряду с историями о ваших бравых похождениях. Вы становитесь жутко популярны, – сказал Жюль.

– Вот вы не верите, а меж тем люди с Близнеца уже давно летают к другим планетам. Они даже на луне базу построили.

Карл вновь вернулся к созерцанию красот, но насладиться ими ему не дали. Пассажирский лифт вернулся, и на «Длань Господню» вышли трое офицеров: князь Святозар и два секунданта. Одним из них был поручик Денисов. Второй ни Карлу, ни Миконе был не знаком.

Барон чинно поклонился противнику. Святозар ответил тем же, при этом на лице его проявилась вся гамма чувств от презрения до гнева, готового прорваться наружу.

– Господа, надо соблюсти формальности, – объявил Жуль, раскрывая папку, которую держал всё это время под мышкой. – Ознакомьтесь и подпишите протокол встречи.

Обязательная процедура составление двух протоколов.

Первый до начала дуэли, так называемый, протокол встречи. В нем отражались все условия дуэли, обговаривалась каждая деталь и мелочь, чтобы потом не возникло недоразумений. Изменить условия подписанного протокола встречи даже по взаимному желанию дуэлянтов было невозможно. Перед началом дуэли этот протокол обязаны были подписать секунданты и противники.

Второй протокол, протокол поединка, составлялся сразу же по окончании дуэли. В нём указывались время, место и продолжительность дуэли, а также детально описывался весь её ход, степень тяжести и области нанесения ранений. Протокол поединка вели очень подробно, уделяя внимание каждой, даже пускай незначительной детали. Протокол поединка подписывался секундантами, чтобы потом никто не мог обвинить противников в бесчестном поведении.

Уладив все формальности, секунданты кинули жребий, на какой пистолетной паре будет проходить дуэль. Обе стороны принесли свои дуэльные пистолеты, упакованные в дорогие деревянные коробки, выложенные внутри бархатом. Вопрос решили быстро. Кинули монету, и выпало, что в дело пойдут пистолеты, предоставленные бароном.

Секунданты зарядили пистолеты и выдали их дуэлянтам.

– Здесь сильный ветер, – заметил Денисов.

– Противники в равных условиях, – тут же ответил Миконя.

Его присутствие в качестве секунданта противная сторона пыталась оспорить. Дуэль проводится между дворянами, пускай один из них дворянин по крови, а второй благодаря дару, а простолюдинам тут не место... Но, так ничего и не добившись, князь Святозар вынужден был согласиться с кандидатурой Микони в качестве секунданта барона Мюнха.

Секунданты засуетились, определяя расстояние, отделяющее дуэлянтов друг от друга. Незнакомый Карлу офицер первым вымерял расстояние шагами. Вслед за ним Жуль перепроверил расчеты. Секунданты определили дуэлянтам их места.

Стреляться решили на месте по очереди.

Карла изрядно утомляла вся эта преддуэльная волокита. Он понимал, что без неё никак. Возможности противников должны быть уравновешены, но стоять в бездействии, пока секунданты выполняли оговоренные условия, было выше его сил. Деятельная натура барона жаждала поскорее приступить к делу, но в этом нетерпении не было и тени страха. Он был уверен в собственных силах и победе, словно знал какую-то тайну, которая помешает князю выиграть дуэль.

В то же время князь изрядно нервничал. Он не мог устоять на месте. Несколько раз подходил к железному бордюру и выглядывал наружу. Осматривал окрестности с высоты полёта стального корабля, словно подыскивал пути к бегству. Крутил нервно в руках пистолет, так что Миконя даже вынужден был его предостеречь, напомнив, что пистолет заряжен и снят с предохранителя.

Секунданты во второй раз бросили жребий, определяя, кому стрелять первым. И на этот раз Карлу не повезло. Право первого выстрела досталось князю, чему Святозар несказанно обрадовался. В его глазах блеснул задорный огонек и появилась отсутствующая доселе уверенность в собственных силах.

– Я буду считать до трех. Пока не прозвучит цифра «три», вы можете стрелять, – громко объявил Жуль, так чтобы все отчётливо слышали его слова, потом перекрестился и добавил уже для себя. – Ну, с Богом.

Карл замер на месте, впившись взглядом в чёткую грузную фигуру князя, который медленно поднимал пистолет. В этой фигуре чувствовалась уверенность в собственных силах, но барона это нисколько не пугало. На душе было светло и спокойно. То, что Святозар не промахнётся, Карл знал, но его это волновало мало. Сегодня он не умрёт, это не его день, а при его способностях самоизлечения, любая рана кроме фатальной кажется пустяком.

– РАЗ! – прозвучал голос Жуля.

Он доносился откуда-то издалека, словно из другой реальности, отделённой от Вселенной Карла прозрачной, но плотной ватной стеной.

Князь уже поднял пистолет и тщательно прицелился. На его губах играла зловещая усмешка.

– ДВА! – прогремел голос Жуля.

И тут же прозвучал выстрел.

Карлу казалось, что время остановилось. Оно превратилось в вязкую тягучую массу, которую порвала летящая пуля, и ударила барона в правую руку чуть ниже плеча. Рука тут же онемела, и он перестал её чувствовать.

Вероятно, князь целился ему в сердце, но ветер сыграл свою роль, изменив траекторию полета. Всё-таки князь оказался весьма неопытным дуэлянтом, либо он так сильно волновался, что не сделал поправку на ветер. Но эта ошибка могла стать для него роковой.

Карл улыбнулся, наблюдая за тем, как побледнел князь. Святозар знал, пощады ждать не следует. Барон пристрелит его, не задумываясь.

Кровь, обильно текущая из сквозной раны, напитала рукав рубашки и кителя. Стрелять с правой руки он пока не мог, но такая пустяковина не могла смутить Карла, однако настроение всё-таки было изрядно подпорчено.

«Вот, дьявол, продырявил мундир».

Карл активировал внутренние энергетические потоки, успокоил себя, унял волнительную дрожь, перенастроил движение энергии и направил её в раненное плечо. Буквально через минуту он почувствовал, как рана начала зарастать.

– Вы можете продолжать дуэль? – Обратился к барону поручик Денисов.

Карл кивнул, перекидывая пистолет в левую руку. Он одинаково ловко владел, как правой, так и левой рукой, что не оставляло князю никаких шансов.

– РАЗ!

Нехорошо задерживать таких серьёзных и уважаемых людей. Карл тщательно прицелился, в памяти всплыла просьба адмирала Барышникова, и выстрелил.

В следующую секунду на глазах у изумленной публики синие брюки князя Святозара упали к его ногам, открывая вид на волосатые ноги и большие семейные трусы в полоску. Несколько секунд князь простоял, раскачиваясь из стороны в сторону, и всё же упал навзничь.

– Дуэль окончена, – объявил Жуль.

Денисов бросился к поверженному князю, а незнакомый офицер с трудом сдерживал ехидную усмешку.

Карл ни на секунду не сомневался, что через каких-нибудь пару часов историю конфуза офицера Святозара будут рассказывать все от верхней палубы до самой нижней, не смотря на то, что на «Длани Господней» находились только свои, проверенные люди. Что ж таково наказание за несдержанность языка и откровенную глупость.

– Карл Иеронимыч, как вы? – Спросил обеспокоено Миконя, осматривая руку барона.

– Ты о чем? – удивленно спросил барон. – Ах, ты об этом комарином укусе. Я думаю, что жало у комара после этого изрядно притупилось.

– Какой конфуз, – наблюдая за секундантами князя, они пытались поднять его на ноги, сказал Жуль.

– Ужасный, друг мой, ужасный. Репутация князя изрядно подмочена. Я не думаю, что после этого он останется на флоте. С такой репутацией разве что в штабе служить, – усмехнулся барон. – Теперь я удовлетворён. Полностью. И, честно говоря, был бы не прочь перекусить. Как вы, господа? Не съест ли нам что-нибудь этакого?

Ответить Карлу секунданты не успели. Их внимание отвлёк пассажирский лифт. Он поднял на «Длань Господню» адъютанта адмирала князя Пересветова.

Появление его на дуэльной площадке заинтересовало всех, в том числе и секундантов Святозара. Сам князь то ли от позора, толи от ранения всё никак не мог прийти в себя, не смотря на все усилия поручика.

Что могло потребоваться личному адъютанту адмирала на верхней палубе? По обыкновению, старшие офицеры редко забредали в такие дали. Разве что ради известной цели – разрешить назревший конфликт. Но князь Пересветов мало походил на дуэлянта.

Оказавшись на «Длани Господней», адъютант решительно направился к Карлу.

– Уважаемый барон, Фёдор Сергеевич просит, – вытянувшись по-военному в струну доложил адъютант.

– Интересно, что потребовалось адмиралу? – Спросил Карл. – Вроде бы только недавно виделись.

– Мне не поручали рассказывать все подробности, – замялся адъютант, но тут же нашёлся. – К адмиралу прибыл курьер из столицы. По вашу душу. Кажется, вопрос о вашем переводе решен.

Последние полтора года, проведённые на борту «Рюрика», Карл только и мечтал о переводе в столицу, о настоящем задании, полном головокружительных приключений и опасностей, но вынужден был прозябать в болоте общевойсковой службы. Русская империя вот уже двенадцать лет находилась в состоянии мира с соседями, и штандарт-флагман, огромный боевой корабль, ранее бывший ядром, стальным кулаком воздушной флотилии Империи, превратился в стоячее болото. На этом корабле, за исключением десятка офицеров среднего звена и высшего командования, никто и не нюхал боевого пороха, не участвовал в настоящей воздушной битве.

И тут долгожданная новость. Его вызывают в столицу, закончилась ссылка на «Рюрик». У князя Драгомысла появилось для него какое-то неотложное дело, что может быть лучше и интереснее.

Что ж, приключения продолжаются!!! Вива!!!

Карл ликовал в душе, но не стал показывать своих чувств, ограничившись лёгким кивком головы.

– Пойдёмте, друг мой, не стоит задерживать адмирала. Помню, друг мой хороший, корнет Зыков, начинал карьеру свою воинскую в наших восточных колониях. Обзавёлся то ли рабом, то ли другом. Тот не разговаривал, да и имени у него, кажется, не было. Потом поручик Зыков нанялся в Иностранный Легион. Наёмник, так сказать, Её Величества. Так вот, однажды он опоздал на одну очень важную встречу...

Адъютант провёл барона в личные покои адмирала. Они располагались на «белой палубе». Здесь находились апартаменты высшего офицерского состава экипажа, так называемой «белой кости», к коим был причислен и Карл. От «Длани Господней» «белую палубу» отделяли восемь четырёхметровых ярусов: первые три – «палубы управления», затем следовали «огневые палубы» три яруса мощных бронебойных пушек и два уровня, отданные под казармы среднего офицерского состава, занятого в управлении кораблем и огневыми расчетами. Между уровнями курсировали тяжелые пассажирские лифты, приводимые в движение мощными паровыми моторами.

Адъютант первым вошёл в покои адмирала и доложил о прибытии барона. Вернулся и доложил:

– Фёдор Сергеевич просит.

Карл вошёл в просторные и светлые покои адмирала Барышникова, состоящие из трёх комнат. Адмирал принимал барона в гостиной. Помимо двух мягких удобных кресел с покрывалами темно-зеленого цвета, украшенными искусной батальной вышивкой, в комнате находился рабочий стол. На нём стоял маговид и магофон, а также разложены стопками документы: донесения, личные дела членов экипажа, рабочие отчёты и доклады военного дозора, маленьких юрких истребителей, летящих впереди штандарт-флагмана с опережением в три часа.

Адмирал как раз изучал один из таких докладов, когда вошёл барон.

– Ба, знакомые всё лица. Рад, что вы сразу же поспешили к старику, – отложив документы в сторону, произнёс Барышников, и тут же обратился к адъютанту. – Михаил Терентьевич, посмотрите, как там камин, не следует ли подбросить полешков?

Адъютант послушно шагнул к резному камину, отодвинул стеклянную ширму, бросил в жадный огонь несколько поленьев, пошерудил кочергой, раззадоривая пламя, и поставил решётку обратно.

– Я правильно понимаю, господин барон... мда... что ваша дуэль закончена... я конечно ничего об этом не знаю и знать не хочу... мда... но всё же...

– Не извольте беспокоиться, Фёдор Сергеевич, – ответил Карл, ехидно улыбнувшись. – Всё прошло как нельзя лучше.

– Я надеюсь, князь жив? – Осторожно спросил адмирал.

– Что вы, Фёдор Сергеевич, конечно, жив, я не убиваю детей. Скажем так, это не моё амплуа. Я всего лишь снял с него портки.

– Это как? – заинтересовался адмирал.

– Думаю, вы скоро об этом узнаете, – ответил Карл. – Но, кажется, вы звали меня не за этим.

– Вы правы, друг мой, не за этим. – Барышников тяжело вздохнул. – Как мне не тяжело вам говорить об этом, но на «Рюрик» прибыл курьер с распоряжением. Вас отзывают назад в столицу. Мда... не нравится мне это... я уже успел сдружиться с вами, барон и надо сказать... мда... мне будет не хватать вашей компании. Надеюсь, что когда я буду в столице, мы сможем продолжить наше знакомство.

Карл широко улыбнулся, демонстрируя ровные белые зубы.

– О чём вы, Фёдор Сергеевич. Об этом и говорить не след. Я буду иметь честь принимать вас в своей скромных апартаментах на Гороховой. Надеюсь, вы не откажете?

– Я с радостью, барон, приму ваше приглашение. Да передайте низжайший поклон князю Драгомыслу от старого, но всё ещё зубастого адмирала.

– Обязательно, – обнадёжил Карл.

– Михаил Терентьевич, будьте так добры, позовите этого... мда... курьера...

Адъютант коротко поклонился, принимая приказ, и тут же шагнул из покоев.

– Больше вас ничего здесь не держит. Я уже подписал все необходимые документы. Когда вы намерены отбыть?

– Пожалуй, я отправлюсь в путь немедленно, Фёдор Сергеевич. Дорога неблизкая, да к тому же на этом корабле я несколько подзадержался. Не буду кривить душой, я рад этому переводу. Моя деятельная натура несколько застоялась без дела. И как мне не жаль расставаться с вашим обществом, но это так.

– Я понимаю вас, барон. Молодость – пора свершений. А у нас на «Рюрике» и впрямь делать нечего. Правда поговаривают, что Её Величество намерены провести ряд кампаний, но насколько оправданы эти слухи, кто знает. Пока мы только тратим пыл и пар на учения.

В гостиную вернулся Пересветов и доложил о прибытии курьера. Курьером оказался молодой человек в гражданской одежде: легком коричневом костюме, высоких сапогах, белой кружевной рубашке, выглядывающей из-под плотной брезентовой куртки, и с кожаной планшеткой на поясе. Открытое светлое лицо с аккуратными усиками и баками.

Курьер вытянулся по-военному и, щёлкнув каблуками, поклонился.

– Расслабьтесь. Вы говорили, что у вас есть пакет для барона Мюнха?

Курьер коротко кивнул.

– У вас есть шанс вручить ему пакет лично.

Курьер скользнул рассеянным взглядом по Барышникову, Пересветову и остановился на улыбающемся Карле. Молодой человек принял верное решение, сделал два шага к креслу, в котором сидел барон, поклонился, достал из планшетки пакет и протянул его.

Барон взял пакет и обнаружил сургучную печать с оттиском герба князя Драгомысла. Взломав ее, Карл развернул бумагу и прочитал.

«Уважаемый Карл Иеронимыч!

Приношу свои извинения за столь затянувший отпуск. Но нам срочно требуется ваше присутствие в столице. Бросайте всё, и летите в Александрию. По прибытии сразу ко мне. Дело чрезвычайной важности, как раз для вас.

Князь Драгомысл»

И витиеватая подпись Верховного магистра ложи Белого Единорога, а также руководителя Тайного кабинета.

Бумага внезапно загорелась в руках барона. Пересветов оперативно взял с рабочего стола адмирала пепельницу и протянул её Карлу. Тот бросил горящее письмо, оно тут же исчезло, даже пепла не осталось.

– Я срочно отбываю в столицу, – заявил Карл.

Глава 6. Последнее дежурство

Последнее дежурство констебля Джека Мортон должно было пройти без происшествий. Впереди его ожидал трехнедельный отпуск. Он собирался провести его в Хэмпшире, известном местечке, где собирались все любители аэроскидинга, воздушного скольжения на парящей доске. Джек был рьяным поклонником аэроскидинга, и в этом году ему удалось совместить отпуск с Чемпионатом Альбиона. Он собирался принять в нем участие. И, чем чёрт не шутит, побороться за призовые места. Золотой кубок по аэроскиданию смотрелся бы изящно на каминной полке. К тому же, какой почёт и уважение, да и ребята, с кем он тренировался, умерли бы от зависти.

С этими мыслями и мечтами Джек Мортон вышел на своё последнее дежурство.

Его земля имела дурную славу. Один из самых глухих уголков Ист Энда. Здесь всегда что-то да происходило. И ещё ни одно дежурство не обходилось без убийства. То в тёмном переулке молодчики подрежут мужичка, возвращающегося в изрядном подпитии с фабрики, то муж застукает жену в постели с любовником и схватится за топор, то неожиданно вернувшиеся хозяева застанут самовольных гостей, пытающихся вынести семейные ценности. Одно дежурство мало отличалось от другого, но бывали и дни, когда весь преступный мир города словно впадал в спячку. На долю Джека таких деньков выпало всего пять, и он помнил их поминутно, называя «разгрузочными».

Выходя на последнее дежурство, он тешил себя надеждой, что и это дежурство будет тихим и спокойным, без чрезвычайных происшествий, бытовых дразг и разборок. Джек совсем не хотел втягиваться в оперативную работу. Не смотря на то, что он вышагивал по темным вечерним улочкам в темно-синем мундире и чёрной каске с серебряной полицейской звездой, душой он уже пребывал в Хэмпшире, готовился к прыжку с борта воздушного катера и любовался своей воздушной доской, предметом его гордости.

Как там Майкл Орёл Зуб? Смог ли пережить прошлогоднее падение? У него отказал на доске руль высоты, в результате Майкл не смог корректировать полёт и приземлился на кроны деревьев, сломал доску в щепки, пересчитал все ветки и упал в заросли «злого куста». В тяжёлом состоянии его забрал кэб «скорой помощи» из Хэмпшира. Восемнадцать переломов, смещение позвоночных дисков, трещина в черепе и множественные царапины, ссадины и уколы. Когда ребята извлекли Майкла из «злого куста», он напоминал матерящегося дикобраза. Джек уехал из Хэмпшира, а Майкл всё ещё пребывал в тяжёлом состоянии, но уже наметились улучшения. Сможет ли он участвовать в этом году в Чемпионате?

А как там Иван Молотов? В прошлый раз, когда они встретились в Скольжении, его жена Элиза находилась на третьем месяце беременности. Теперь у них уже маленький. Мортон слышал, что Элиза родила сына.

Кто же ему об этом сказал?

Генри Попрыгунчик. Точно Генри Попрыгунчик. Он еще сомневался, что Молотов сможет приехать на Чемпионат. А с Иваном одно удовольствие скользить.

Интересно, а Гарри «Птаха», как он?

А Рик «Балласт» будет ли в этом году прыгать? И на что он рассчитывает?

Из мечтаний о предстоящем отпуске Джека Мортон вывело яркое красное зарево, вставшее над крышами домов в двух кварталах от него, и вслед за заревом последовал грохот, словно тысяча каменщиков разом принялись за работу.

Надежды на тихое дежурство развеялись, оставив после себя горькое послевкусие.

Зарево и грохот застали Джека врасплох. Гибельно прекрасное зрелище поразило его, и он не мог отвести глаз. А когда грохот стих и зарево рассосалось, над черепичными крышами

поднялся, расправив древние кожистые крылья, чёрный дракон, сотканный словно бы из самой первозданной тьмы.

Джеку и раньше доводилось слышать о магах. Он даже видел их несколько раз в живую. В основном они обретались в захудалых трактирах, где за пару монет, кружку пива и тарелку с похлёбкой показывали волшебные фокусы. Но он и представить себе не мог, что эти людишки в грязных заношенных балахонах были способны на подобное чудо. Чёрный, сотканный из дыма дракон показал Джеку, насколько сильно он ошибался.

Древнее чудовище разворачивало крылья над крышами домов и озиралось по сторонам, словно выискивая кого-то. Вот дракон раскрыл пасть, и волна пламени обдала каменные стены.

Джек был уверен, что, доведись ему столкнуться с огнедышащей рептилией раньше, он ни за какое вознаграждение не согласился бы рисковать и лезть в гущу магической битвы. Пусть ему даже пообещали бы место начальника департамента полиции Фогштиля. До этого поста своим ходом он смог бы добраться лет этак через двадцать беспорочной службы.

Нет ничего постыдного в том, чтобы сбежать от дракона. Что и собирался сделать Джек, когда обнаружил, как ноги сами его понесли к месту магической битвы. Три квартала Джек преодолел за десять минут. Сперва он шёл быстрым шагом, но потом не смог удержаться и перешел на бег. Вылетев на улицу Медников, он чуть было не попал под столб всепожирающего пламени, выплюнутого драконом. Джек заметил приближение огня в последнюю минуту, кинулся в сторону, упал, перекатился, а в спину ему ударила волна жара. То место, где он только что стоял, обожгла лавина огня.

Дракон пребывал в дурном расположении духа. Он метался по сторонам, словно потерявшийся птенец и плевался огнем в стены без разбора и толку.

Джек сидел прямо по центру мостовой за курганом битого камня и боялся высунуться наружу. Откуда здесь могли взяться каменные развалины, он и не догадывался, но благодарил бога за спасительное укрытие. Без него чешуйчатый монстр уже давно поджарил бы его на барбекю.

Мимо Джека шмыгнул испуганный чёрный подраный кот и, перемахнув через груды камней, скрылся на соседней улице. Джек осторожно выглянул из укрытия, опасаясь нового извержения огня, и обнаружил, что дракон потерял к нему всякий интерес. Его атаковал сизый туман. Он появился совершенно неожиданно, вылепился из воздуха, сгустился и словно ловчая сетка упал на чёрное эфемерное чудовище. Теперь Джеку ничего не угрожало. Он поднялся из укрытия и устоял на схватку, развернувшуюся в воздухе. Туман спеленал пасть дракона, так что ящер потерял возможность изрыгать пламя, и стал расти, упеленывая чудовище. Почувствовав приближение скорой гибели, дракон запаниковал и забился, будто пойманная в силки птица, попытался расправить кожистые крылья, но туман скрутил их и притянул к туловищу.

Дракон ярился, пытался стряхнуть туман, разорвать его могучими крыльями, перегрызть зубами, но не помогало. Только крутился, словно заводная игрушка. Наконец выбился из сил, смирился с неизбежным и утих. Его глаза наполнились вековой грустью.

Сизый туман сильнее стиснул объятия, ломая старые кости дракона. Последняя схватка закончилась неожиданно. Сизый туман исчез, впитался в чёрную дымчатую кожу огнедышащего ящера. Несколько минут ничего не происходило, а затем прозвучал громкий хлопок и чёрный, величественный, могучий и прекрасный дракон развеялся грязным дымом в разные стороны. Легкий осенний ветерок подхватил чёрные сгустки и через несколько секунд ничто не напоминало о свирепом драконе, бесновавшемся на узкой улочке некоторое время назад.

Джек ещё несколько минут не мог прийти в себя, стоял, боясь пошевелиться. Ему казалось, стоит сделать шаг, дракон вернётся и превратит его в головешку. Постепенно страх прошёл, и Джек смог покинуть укрытие.

Он осмотрелся по сторонам. Груды битого камня, спасшие ему жизнь, преграждали улицу в двух местах. Такое впечатление, что кто-то воздвиг сначала две стены, а потом их раз-

рушил. Серые стены домов все в чёрных проплешинах от языков драконьего пламени, странный светящийся кристалл в ажурной драгоценной оплётке, лежащий в разломе камней, и скрюченный человек в отдалении, засыпанный обломками рассыпавшейся стены.

Человеку надо помочь, разобрать завал и извлечь тело. Быть может, он ещё жив, и его можно спасти, но, окинув взглядом профессионала груды камней сверху и нелепую, словно бы скомканную позу заваленного, Джек понял, что спасать уже некого. Человека раздавило, превратив все внутренности в мясной фарш. И даже если он ещё дышит, ни один доктор не сможет выцарапать его с того света.

Другой предмет, привлёкший внимание Джека, кристалл в ажурной драгоценной оплётке. Вещь, безусловно, дорогая, чтобы бесхозно на улице валяться. Откуда он тут? Кристалл притягивал, завораживал, и вскоре Джеку стало казаться, что он прибежал на эту улочку только ради него. Он должен, во что бы то ни стало, обладать кристаллом, сотворённым специально для него.

Джек воровато осмотрелся по сторонам, бросился к руинам, упал на колени и, раскидав камни, схватил кристалл. Тут же прижал его к груди и почувствовал, как тело наполняется теплом, словно кристалл согревал его.

В обнимку с кристаллом Джек мог просидеть целую вечность. Вот только вечности у него не было. Джек не сомневался, что вся буча была затеяна только ради этого камня, значит, после гибели дракона за Драгоценностью должны прийти, и он потеряет её окончательно и бесповоротно.

Джек раскрыл планшет, аккуратно положил в него кристалл и сильно затянул ремнями, чтобы драгоценность не выпала.

Джек собрался было уже уходить. В голове вырисовывался маршрут отступления безопасными улицами и тихими проулками поближе к участку. Рисковать Драгоценностью он не хотел, мало ли что могло произойти, но, скользнув взглядом по человеку, раздавленному грудой камней, в душе Джека проснулось странное чувство. Оно тут же вступило в конфликт с желанием уйти. Джек не сомневался, что мысль о трусливом бегстве была нашептана ему Драгоценностью.

Теперь же он вспомнил, что находится на службе, и о происшествии обязан немедленно доложить в участок, а там разберутся. Но другой голос нашептывал ему о приближающейся опасности. Враг спешил за своей добычей. Ему нужна была Драгоценность.

Но все же Джеку показалось, что он успеет. Должен успеть.

Он отцепил от пояса трубку магофона, похожую на рукоять старинного револьвера, и, активировав его, доложил:

– Констебль Джек Мортон. Пересечение улицы Медников и Пекарской. Колдовская схватка. Есть жертвы. В районе видел чёрного дракона. Как слышите меня.

– Принято, Джек. Оставайся на месте, – донёсся ровный голос Чарльза Оливи, дежурного в участке, – Происшествие не в нашей компетенции. Сейчас я доложу в Секретный Магистрат. Жди визита. Никого к месту боя по мере возможности не подпускай. Чёрный дракон это очень плохо. Среди гражданских жертвы есть?

– Один труп, Чарли.

– Скверно, Джек. Скверно, – оценил Оливи, разрывая магосвязь.

Джек убрал магофон и понял, что вляпался. Зачем он остался на свою голову, когда мог спокойно скрыться в безопасном месте. Теперь иного выхода нет, как дожидаться приезда агентов из Секретного Магистрата. И кто успеет первым: они или враг.

Секретный Магистрат – особая организация, которая подчинялась непосредственно Её Величеству королеве Альбиона. В его ведении находились все дела, которые так или иначе были связаны с магией. Незаконное использование магии, убийство при помощи магии – всем этим занимались представители Секретного Магистрата, не подпуская полицию к подобным

делам и на пушечный выстрел. За это синие мундиры их и не любили. От перспектив общения с вечно сующими нос не в своё дело секретными агентами настроение у Джека не улучшилось.

К тому же дурному настроению способствовали пустынные улицы. Ни одного праздного гуляющего или торопящегося по своим делам прохожего, ни одного экипажа, все окна домов плотно зашторены и никто не выглядывает на улицу. Вот это-то и выглядело странным. Ни одного зеваки, не смотря на то, что бешенство чёрного дракона должно было перебудить все окружающие дома в радиусе трех кварталов.

Джек поёжился. Неожиданно стало очень холодно. Даже Драгоценность не помогла справиться с этим холодом. Джек хрипло прокашлялся.

Надо будет проверить окружающие дома на предмет свидетелей. Джек мог допустить, что над городом прокатилась эпидемия, убивающая любопытство, но поверить в то, что никто ничего не видел, это было выше его сил.

В конце улицы показался чёрный паромобиль марки «Ньютон» – скоростной четырехместный экипаж. Машины этой марки редко можно было увидеть на улицах Фогштиля. Закругленная четырёхместная пассажирская кабина с багажником на крыше, ныне пустующим, козлы с козырьком, рычагами и рулём на высокой стойке для кэбмена и две трубы за пассажирской кабиной, из которых чадил чёрный дым.

Паромобиль появился с улицы Гвардейцев Лилии и направился к развалинам. Не доезжая несколько метров, остановился, хлопнули дверцы и из него вылезли четверо рослых мужчин в черных костюмах, теплых пальто и надвинутых на глаза фетровых шляпах. Водитель остался на козлах, достал из пальто трубку, раскурил её и задымил во все легкие.

Появление незнакомцев на месте происшествия насторожило Джека. Они направлялись к нему и явно не с дружескими намерениями. Конечно, это могли быть агента Секретного Магистрата, но Джеку эта мысль показалась абсурдной. Даже если Чарли Оливи немедленно сообщил в Магистрат о происшествии, прибыть с такой скоростью тем более, на обычном, пускай и скоростном, паромобиле они бы не успели. Значит, чужаки. И вероятнее всего, они работают на того, кто замутил всю эту кашу.

Что делать? Незнакомцы пришли за Драгоценностью. С одним или двумя из них Джек мог ещё померяться силами, но вот четверо крепких плечистых мужиков ему уже явно не по зубам.

Джек расстегнул кобуру и положил руку на рукоять револьвера, так чтобы в случае опасности он мог его легко выхватить. Но Джек очень сомневался, что ему это поможет. Незнакомцы были настроены очень решительно, и вооружены куда лучше. Не успеет Джек выдернуть свой револьвер из кобуры, как его нашьпигуют пулями, как дикую утку дробью.

Победить незнакомцев в честном бою невозможно, а на хитрость и интригу времени не оставалось.

Неужели всё?!!

Незнакомцы были уже совсем близко. Ещё минута и они пересекут черту, за которой он должен остановить их, чтобы не подпустить к охраняемой территории.

Спасло Джека чудо.

За его спиной закрутился чёрный вихрь Портала, и раскрылся, словно бутон цветка. Джеку никогда не доводилось наблюдать переход, хотя он много слышал о нём. Увиденное поразило его, и он замер, ловя себя на мысли: *«Не слишком ли много чудес для одного дежурства»*. Переход выглядел как дырка в ткани реальности, за которой открывалась новая картинка, совершенно другой пейзаж, словно кто-то стёр кусок изображения со старого холста, а под ним оказался новый слой.

Из Портала один за другим появились восемь человек в чёрных костюмах с гербом Альбиона на спине и с вензелем «СМ» на воротниках. От этих людей веяло спокойствием и уверенностью. Пришли не служащие, но хозяева, и Джек сразу же успокоился, понимая, что теперь

ему уже ничто не угрожает. И незнакомцы из «Ньютона» могли идти лесом, Джек Мортон им не по зубам.

Вспомнив о незнакомцах, Джек обернулся. Они торопились назад к паромобилю. Значит, приходили за кристаллом, но он им не достался. Получается, Джек оставил их с носом. От этой мысли Мортон развеселился, но тут же подумал, что кристалл вовсе не так уж прост. И не стоит его просто использовать в качестве грелки. В Драгоценности сокрыта магическая сила, с которой ему предстояло подружиться. Джек решил, что Секретному Магистрату он ничего не расскажет даже под страхом пыток. Кристалл выбрал его своим Хозяином. Не стоит разочаровывать магическую игрушку. Кто знает, что может она учудить, разозлившись.

Джек рассмеялся. Смех постепенно перешел в каркающий кашель.

Глава 7. Чёрная Роща

Резиденция князя Драгомысла находилась на Елагином острове. Со всех сторон ее окружали многовековые деревья, помнящие еще тяжелую руку и грозный голос основателя города Александра Невского. Лишь только мощеная желтым булыжником дорога вела к дому второго по силе и влиянию лица в государстве, после самой Императрицы, разумеется. Хотя знающие могли бы с этим и поспорить.

Не каждому человеку выпадала честь увидеть эту дорожку. Сторонний наблюдатель, охотник по грибы по ягоды, или просто шпион (а этого добра всегда и везде хватало) могли разгуливать по мостовой и не подозревать о камнях под ногами. А уж дойти до резиденции Драгомысла непосвященному и вовсе было невозможно. Специальное охранное поле, растянутое над резиденцией князя, отводило всех любопытствующих в сторону.

Даже обратиться неугомонный проныра в птицу и вздумай покружить над Черной рощей, ничего, кроме верхушек деревьев и одиноких стаяк птиц, не увидел бы. Искусные магические поля, сотканные самим князем Драгомыслом, отводили чужой взгляд. И никто не мог повторить его заклятия, хотя прилежные ученики и пытались скопировать. Сам же князь делиться своим мастерством создания подобных полей даже со своим учеником не торопился. Впрочем, ученика он вообще в ссылку сослал подальше от столицы, в войска.

Странное место для резиденции выбрал князь. Самое сердце Черной рощи, место глухое, необжитое, с дурной славой. Многие так считали, многие говорили об этом князю, но он отмалчивался. Ни слова не говорил, почему он выбрал Черную рощу. Даже людям из самого близкого своего окружения. Когда же князю в очередной раз напоминали о дурной славе Черной рощи, он лишь улыбался в бородку, да приговаривал: *«У каждого скелет в погребке найти можно»*.

Черная роща пользовалась дурной славой еще во времена князя Осияну, Верховного Магистра ложи Поющего Феникса. Князь Осияну любил это место, часто прогуливался тут в одиночестве, раздумывая о своем. Все это было задолго до междоусобной войны, вошедшей в историю как *«Грызня Единорога с Фениксом»*. После этой грызни, финальная схватка которой проходила аккуратно на Елагином острове, в Российской империи осталась лишь одна ложа. Адепты Феникса были кто казнены, кто в Сибирь по этапу отправились. Сам же князь Осияну бесследно исчез, будто в воздухе растворился, смешался с александрийской хмарью. Поговаривали, что он ушел странствовать между мирами. Даже встречались люди, вернувшиеся с Изнанки, и утверждавшие, что видели Мага Вне Закона возле Китеж-града, славного города Тысячи Дорог.

Резиденцию выстроили по высочайшему повелению князя Драгомысла как раз после разгрома ложи Поющего Феникса. Строили бешеными темпами, и, как водится, без жертв не обошлось. Одного рабочего бревном задавило. Сорвалось со стропил на голову. Вместо головы блин остался. Другого карета сбила. Глава Сыскного Департамента почтил своим вниманием стройку, да как видно, не удачное время выбрал. Когда подъезжал к стройке, под карету человек кинулся. Сам кинулся или неудачно так получилось, уже и не разобрать. Двух каменщиков затоптали тяжеловозы. Они как раз привезли камень и освободились от поклажи. Рванули тележку, да понесли на зазевавшихся рабочих. И какая им клеща под хомут попала? Человек двадцать на стройке надорвались да Богу душу отдали. А уж сколько по пьяному делу перо словили, да и просто в своей блевоте захлебнулись, тут и не счесть. Да и кто их, гуляк, считал. Когда же резиденция была почти достроена, в рабочих бараках пожар случился. Сорок человек в огне сгинуло. Когда потушили, никого в живых не осталось. Кто от дыма едучего задохнулся, а кто и заживо сгорел.

Единороги говорили, что Черная роща проклята. Вспоминали, что первого человека роща забрала из рук самого князя Осияну. Верховный Феникс по легенде здесь долго пытал, а затем и убил своего единокровного сына Мстислава, осмелившегося поднять бунт против отца. Предсмертные муки чародея разбудили лес. Так говорили. Проснувшейся роще требовались все новые и новые жертвы.

Неудачное место для резиденции. Совсем неудачное. Но князь Драгомысл на все эти пересуды внимания не обращал. Он знал, что делает. Когда же князь вместе со всей челядью въехал в выстроенную резиденцию, трагические события сами собой прекратились. Больше никто не умирал в Черной роще.

Единороги заговорили, что Верховный Магистр укоротил кровожадную рощу. Укоротил, посадил на цепь или насытил, какая разница, главное, что больше Черная роща не просыпалась и не требовала новых жертв. А если и пропадал где бездельник-шатун, шпион какой или неосторожный грибник, то разве же в том роща виновата?

Карлу часто доводилось посещать князя в его резиденции. Пожалуй, никто из единорогов не мог похвастаться таким доверием Магистра. Сюда его приводили как дела служебные, так и личные. Князь Драгомысл не скрывал своего особого отеческого отношения к юному магу. После скоропостижной кончины старого барона Драгомысл взял Карла к себе в ученики. У многих юных единорогов это вызвало зависть, многие гнилые языки злословили по этому поводу, но в открытую никто и взгляда косо не бросить не смел. Князя Драгомысла, победителя Фениксов, уважали даже его заклятые враги. Уважали и боялись. *«Не человек, а глыба. Не сломаешь, не сломишь, сам лишь зубы обтешешь, да оставишь»* – поговаривали о нем в кулуарах. Так что скоро и к молодому барону стали присматриваться с интересом, а после и с восхищением.

Юный барон оказался на редкость способным учеником. Он восходил по ступенькам посвящения столь стремительно, что это не могло не вызывать восхищения. Всего за каких-то восемь лет наставничества барон Мюнх продвинулся в иерархии ложи до предпоследней ступени посвящения. Многим для этого потребовалось бы половину жизни положить, барон же достиг этого уровня всего за восемь лет, как тут не восхищаться? Гений и виртуоз. Магистр другого к себе в ученики и не взял бы. Уж не преемника ли он себе готовил?

Не смотря на то, что барону часто доводилось посещать резиденцию Магистра, каждое посещение было как первое. Он всегда удивлялся резкому контрасту между шумным и людным центром Невской Александрии, где жизнь прямо-таки кипела, а люди варились в котле повседневности, и тихой умиротворенности Черной рощи. Буколические пейзажи Елагина острова, достойные пера Вергилия, не вязались с суматохой Невского проспекта и роскошью особняков александрийской знати Васильевского острова. Здесь царила тишь да гладь – божья благодать. Хотя с последним утверждением можно было бы и поспорить. Карла от этой благодати в дрожь кидало. Как можно было благодатью Черную рощу назвать, где каждое дерево сочилось впитанной болью и чужими страданиями, не видимой обычному взгляду, не наделенному магическим зрением. Как можно было назвать благодатью этот желтый булыжник, вопивший о сумасшествии его создателя.

Здесь, в сердце Черной рощи проживал магистр ложи Белого Единорога князь Драгомысл, Великий и Ужасный.

Поначалу Карл часто спрашивал наставника о столь странном выборе, но потом все сам уразумел. И почему резиденцию здесь выстроили, и почему в ней не чувствуется всего того ужаса, что царил в Черной роще, и почему на дороге из желтого булыжника весь ужас и боль живого леса как бы концентрируется, стягивается к единому месту. Понял и поразился легкости и изящности решения, да снял шляпу в знак глубокого уважения.

Стоящий в центре рощи особняк князя одновременно являлся мощным аккумулятором магической энергии, вытягиваемой из кровожадного леса посредством дороги из желтого

булыжника. Желтый булыжник высасывал из живого леса всю ее силу, тем самым обезвреживая гиблое место. Полученная энергия накапливалась в специальных хранилищах, расположенных в подвалах особняка (Карлу довелось увидеть эти светящиеся изнутри колбы и склянки из вечного мутно-зеленого стекла), а затем перераспределялась на нужды дома. Здесь же в подвалах изготавливались боевые и охранные амулеты под руководством самого князя. Да много всего интересного творилось здесь и тщательно скрывалось от посторонних глаз, в том числе и от адептов Единорога, не приближенных к вершине ложи. О чем-то Карл знал, о чём-то догадывался, о многом же даже не подозревал.

* * *

Визит к князю Карл откладывать не стал, хотя обида за необъяснимую опалу и год праздности на судах Её Величества никуда не делась. Он эту обиду спрятал поглубже ещё на борту ваншипа, когда летел в Александрию, чтобы нести службу не мешала. Как говорится, *«свои люди, сочтемся»*.

По прибытии в столицу Карл заглянул в свою квартиру на Гороховой, чтобы привести себя в порядок после дороги и сменить тусклый палубный мундир на светский костюм. После чего, не мешкая, выехал на Елагин остров.

Два с половиной года назад был выпущен приказ о запрете пользования паромобилями в пределах городской черты. Запрет не распространялся на членов Императорской фамилии и высших государственных чиновников. Ограничение накладывалось лишь на две столицы. На остальных просторах Российской империи граждане могли рассекать на паромобилях беспрепятственно. Правда, позволить себе это могли далеко не все. Паромобиль – удовольствие не дешевое. Не для чиновника средней руки, да и не для купчишки бойкого. Что уж говорить об остальных.

В гараже барона Мюнха стояли два паромобиля. Пассажирская коляска на шесть персон и прогулочный экипаж для двух пассажиров. Запрет на использование паромобилей не касался высокопоставленных Единорогов. Но не смотря на это, барон повелел запрячь лошадей. Князь, человек старомодных взглядов, терпеть не мог все эти тарахтящие экипажи, чадающие дымом. О себе он любил поговаривать: *«Я человек другой эпохи»*. Зная эту причуду старика, в гости к нему ездили исключительно по старинному обычаю, чтобы не нервировать Магистра по пустякам.

Для Карла запрягли легкую прогулочную коляску с поскрипывающими рессорами. На козлы воссел кучер. Место в экипаже подле барона занял Миконя. Он сопровождал Карла повсюду, даже на великосветских приемах и заседаниях Тайного Кабинета. По такому случаю личным распоряжением князя Драгомысла ему даже было присвоено воинское звание, и он, хоть и не имел магической искры, числился Единорогом, первой, самой низшей ступени посвящения.

Когда экипаж выехал с Гороховой, солнце уже взошло в зенит. На небе ни облачка. Идеальная погода для загородной прогулки. Въехав на Елагин остров, путники как будто в предыдущий день провалились. Серые хлопья туч заполнили небо. Из-за налетевшего сильного ветра пришлось поднимать полог коляски. И вовремя. Вслед за этим ливанул дождь.

Карлу и Миконе под пологом с накидкой на ногах еще ничего, а вот кучеру несладко пришлось. Мало того, что вымок, как цуцик, так еще и ветер с дождем в лицо хлещет. Глаз не открыть. Куда править, один Бог знает.

Из серой пелены дождя вынырнула Черная роща. Издалека она выглядела весьма безобидно. Никогда и не скажешь, что тут может твориться такая чертовщина. Да дороги из жёлтого булыжника нигде и в помине нет, даже намёка. Лишь сплошная стена деревьев, да аккуратный строй травы, подстриженной по одной мерке. Вот только никто в Чёрной роще траву не

стриг, хотя Чёрная роща формально являлась городским парком. Даже существовал садовник, отвечающий за порядок на этих просторах, да вот только никто никогда его здесь не видел. Он к Елагиному острову даже близко не приближался, хотя жалованье исправно получал. Однако, по необъяснимым причинам трава в Чёрной роще выше пяти сантиметров просто не росла.

Чёрная роща надвигалась на экипаж, а жёлтой брусчатки всё ещё не было видно. Куда ехать? Куда править дальше? Коляска среди деревьев петлять не сможет. Миновав незримый барьер, открылась иная картина для пассажиров и кучера. Словно ткань реальности подернулась, исправляя досадную ошибку, допущенную ранее.

Сплошная стена деревьев расступилась и показалась широкая дорога. Два экипажа на ней легко разъедутся, и ещё останется место для пары пешеходов. Дорога из жёлтой брусчатки делила рощу напополам, как пробор на голове чиновника судебного департамента делит причёску. Только выглядела не такой заброшенной.

Ради праздного любопытства не каждый отважится прокатиться по этим камням. Раньше Карл размышлял: к чему дорогу с духовным уловителем совместили, и почему не позаботились об устранении побочного продукта, эха чувств. Его ощущал каждый, вступивший или въехавший на эту жёлтую дорогу. А эхо, надо сказать, удовольствие не из приятных. Но позже понял, что к чему. Если уж кто и захочет побеспокоить князя Драгомысла личным визитом, то только по чрезвычайно важному делу. У князя в гостях даже Императрица ни разу не была, не смотря на то, что её неоднократно приглашали. А для остальных пустяковых вопросов магофоны да маговиды существуют, а при них внимательные секретари.

За необходимость посетить князя Драгомысла приходилось расплачиваться неуютными ощущениями. Вот и сейчас лишь коляска вкатилась на дорогу из жёлтого булыжника, дождь внезапно прекратился, хотя небо оставалось грязно-пепельным, а на пассажиров навалилась глухая тоска, хоть волком вой и беги в лес.

Неподготовленный человек мог и умом тронуться, но Карл и его спутники были опытными гостями. Барон затаился, не пытаясь подавить нахлынувшие чувства. Жёлтая дорога закончится, завершится и испытание. Надо только немного подождать.

Глава 8. Вынужденный компаньон

«Быстрый же ты на подъем, Карлуша. Ох, быстрый. Старый барон не чета тебе. Медлителен старый Мюнх был. Вызови его в столицу Молнией, он Перекати-полем прибудет при слабом ветре. Да ещё день как минимум с дороги в себя приходить будет, прежде чем пред светлые очи начальства предстать. Ценил себя высоко, да и было за что. А тут тебе с корабля на бал, даже завтрак окончить не дал, шельмец» – размышлял Мстислав Драгомысл, поднимаясь из-за обеденного стола.

Пару минут назад Ванька камердинер доложил, что барон Карл Иероним Мюнх явился пред светлые очи князя и просит аудиенции.

– Ванюша, будь добр, набери Департамент разведки, да попроси Лору Ом. Передай ей, чтобы заглянула бы на чаёк, да пусть не медлит, – приказал князь, да добавил. – И смотри мне. Попроси ласково, а то я знаю твои властные замашки.

Ванюша коротко поклонился, принимая приказ, и тут же исчез. Расторопности Вани Кожедуба можно было только позавидовать. Молодой, быстрый, ловкий, смекалистый, собака. За это князь и приблизил его к себе. Лучшего исполнителя ему было не найти. А на прежней службе в квартальном околотке Ваня совсем бы пропал. Не того размаха человек. Да и райончик у него был – хуже не придумаешь. Бедняцкие кварталы в Купчино, где один рабочий люд селился.

Первое время Ванька бы еще держался, а потом бы плюнул, руки бы опустил, да спился. Сколько таких молодцев на корню сгнили. А теперь он при деле, и всё благодаря Людскому сыску, специальной службе, занимающейся поиском полезных для князя людей.

С завтраком пришлось попрощаться, а так жаль. На столе остались аппетитные куриные крылышки в сметанном соусе с томатами и грибной жульен, но встреча с бароном не терпела промедления. К тому же за долгие годы жизни князь давно остыл к дарам щедрого стола. Единственное чем он изредка с удовольствием тешил чрево, так это богатыми вкусом грузинскими винами, но исключительно во второй половине дня, когда срочных дел не предвиделось. Да и признаться, князь давно успел соскучиться по любимому ученику. Ради его же спасения он вынужден был отправить его в ссылку.

Допив апельсиновый сок, князь направился в приёмный кабинет. Там его дожидался барон. Двигался князь нарочито медленно, размеренно. Он уже давно жил по формуле: «Торопиться некуда. Чтобы успеть, надо ОПЕРЕЖАТЬ».

Впрочем, в его возрасте к размеренности привыкаешь, как к старому камзолу. Когда же он изнашивается до непотребства, то привычка дает знать. У портного заказываешь точно такой же.

В его возрасте каждое движение взвешиваешь, прежде чем сделать.

Истинный же возраст князя никто не знал. Ходили слухи, что старик настолько стар, что помнил Рюрика ещё молодым. Другие утверждали, что князь много старше, и служил когда-то в дружине отца Рюрика. Правду же не знал никто. Лишь сам князь, но ни с кем делиться ею не собирался.

Не смотря на свой солидный возраст, князь Мстислав Драгомысл выглядел молодо. Рядом с бароном их могли бы счесть за сверстников. Только усталые, наполненные вековой мудростью глаза выдавали князя. Глаза, как известно, зеркало души, а душа у него была древняя. Высокий, широкоплечий с густой гривой льняных волос, собранных на затылке в тугой хвост, с открытым приветливым лицом, князь Драгомысл мог бы сделать себе имя в высшем свете, посещая балы и приёмы. Возможно, когда-то он и пользовался этим, но ныне совершенно потерял всякий интерес к светской жизни. В бороде пряталась улыбка. Казалось, князь никогда не хмурится, только его улыбка всегда носила разные оттенки. Князь мог так улыб-

нуться, что кровь в жилах каменела, а мог и обласкать, заразив жадной жизни и деятельности. Его улыбка могла убить, жизнь до капли высосать, а могла заставить человека горы свернуть. В каждом его шаге читалась уверенность в своем всемогуществе. На Земле осталось мало магов, которые могли бы поспорить с ним. Разве что князь Осияну, но где он скрывается после падения ложи Феникса, не знал никто, да Великий Магистр Верховной ложи Черного Дракона, только его личность оставалась для всех тайной.

По-военному чеканя шаг, князь Драгомысл вошёл в приёмный кабинет. Там его уже ждали. Два из трёх гостевых кожаный кресла занимали барон Мюнх и его неизменный наперсник Миконя, прозванный Питерским. При появлении князя оба поднялись и чинно поклонились. Драгомысл приветливо ответил на поклон и занял место за своим рабочим столом. Долгая жизнь приучила князя к порядку, и на рабочем столе у него не было ничего лишнего. Бумаги и документы аккуратными стопочками. Шар маговиды по правую руку, трубка магофона по левую.

– Доброе утро, Карл. Рад видеть тебя в добром здравии. О твоих боевых подвигах в мирное время ходят слухи. Доходили и до меня. А упорство, с каким ты писал прошения о возвращении на службу в столицу, достойно уважения. Рад, что ты не сдался и не скис.

Губ барона коснулась ехидная улыбка. Князь сделала вид, что не заметил её.

– Но количество дуэлей могло бы быть и поменьше. Да и цеплять князя Святозара – не лучшая мысль. Его дядюшка старый склочник и стервец, не последняя фигура в Департаменте Войны. Может и кровь попортить. По крайней мере постарается.

Мальчишка совсем не изменился, отмечал про себя князь. Только закалился, заматерел. Не так оперативная деятельность воспитывает, как вынужденный простой. А ведь не сдался, выдержал, руки не опустил и вот рядом с заветной целью. Князь испытывал прилив гордости и счастья за своего ученика. Как приятно осознавать, что ты не ошибся в человеке.

– Святозар – дрянь человечиска. Впрочем, таких на штандарт-флагмане, пожалуй, больше, чем крыс. Кислая жизнь раскисляет людей, – заметил Карл.

Он изучающее разглядывал князя. В его пристальном взгляде читалось множество незадаанных вопросов. Главный из них: «За что?». Карл имел право на этот вопрос. И Драгомысл не стал тянуть с ответом.

– Твоя командировка на «Рюрик» вынужденная мера. Иного выхода не оставалось. Останься ты в Александрии, псы съели бы тебя с потрохами. Даже я бы не смог спасти. У Куракиных руки длинные, а твоя интрижка с Аннушкой наделала шуму в почтенном семействе.

Судя по промелькнувшему выражению досады, барон даже не рассматривал роман с Анной Куракиной как причину своей ссылки. Да он уже успел забыть об этом легком увлечении. Что и говорить, Аннушка обладала прелестной внешностью и редкостной ветреностью. Только высокое положение братьев Куракиных не давало людям говорить об Анне как о падшей женщине. Однако сами братья Василий и Всеволод Куракины были прекрасно осведомлены о наклонностях сестры и каждая её новая интрижка становилась уколom их авторитету в собственных глазах, поэтому они и старались найти козла отпущения. И чуть было не приделали характерную бородку и рожки Карлу. За год страсти утихли, да и у Аннушки новый любовник появился.

– Ах вот в чём... из-за юбки... а я то голову сломал, чем прогневал... а тут...

– Ты командировку на «Рюрик» как ссылку воспринял. Я же всего лишь тебя спрятал пока напряжение не схлынет. Теперь вот, видишь, настала пора тебе вернуться. Дело есть. Только тебе и по зубам.

Князь знал, чем растопить сердце барона. Судя по азартному блеску в глазах, Карл готов был забыть обо всём, лишь бы его допустили на оперативное поле.

– Я весь во внимании, – заявил барон.

Миконя не мог себе найти место от любопытства. Он еще на «Рюрике» гадал и строил предположения, зачем их в такой спешке вызвал к себе князь. Мог бы и дождаться окончания учений. Если же не мог, стало быть, дело не терпит отлагательств.

– Мальчик мой, слышал ли ты что-нибудь о расе мимкрейторов?

С такой тягой к познанию всего нового и необычного Карл не мог пропустить мимо себя информацию о мимкрейторах.

– Слышать-то слышал. Только о них мало что известно. Всё больше легенд, чем правды. Одно ясно, что они пришельцы с изнаночных миров. Живут среди людей скрытно. Если бы сами на контакт не вышли, мы бы о их существовании никогда бы не догадались. Совершенно точно, они не обитатели Близнеца. Обладают поражающей воображение способностью к психофизической мимикрии. За это их и прозвали соответствующе. Что они забыли у нас? Какую цель преследуют? Непонятно.

– Всё так, Карл. Всё так. Только одно маленькое, но важное уточнение – мимкрейторы лишены магических способностей, по крайней мере в привычном нам понимании. Либо удачно умеют эти способности скрывать. Найти их в магополе невозможно, поэтому они и остаются... пока... для нас полной загадкой.

Барон слушал внимательно, предвкушая переход к сути задания. Не о мимкрейторах же побеседовать князь его вызвал.

Миконя же ел глазами князя, ожидая когда тот перейдет к главному.

– Несколько дней назад в магосферу планеты выплеснулся мощный поток магической энергии чужеродного происхождения. Одновременно с этим произошло убийство в Фогштиле. Убили мага статуса не высокого, однако он принадлежал к ложе Чёрного Дракона.

Карл удивлённо вскинул брови. Верховная магическая ложа, управлявшая всеми магами Земли. Для рядовых магов не более чем легенда, для верховных магов объективная реальность. Где располагается резиденция Драконов? Кто её возглавляет? Об этом не знал даже сам князь Драгомысл. Драконы – самая могущественная ложа планеты, а тут гибель одного из адептов. Гибель любого мага – случай из ряда вон выходящий, а тут дракона завалили...

– Погибший – Мартин Локирд. Альбионцы постарались распутать его след. Нашли дом, в котором он жил. В пределах его жилища магами ложи Тумана удалось раскрутить спираль времени. Они выяснили следующее. В день гибели к Мартину пришёл человек. Он назвался Дремли Дрёмом. Человек с таким именем в наше поле зрения не попадал. Этот Дремли Дрём представился душеприказчиком мимкрейтора. Тот умирал и просил мага явиться к его смертному одру.

– Не слыханное дело, – не смог сдержаться барон.

– Вот именно, мальчик мой. Что потребовалось мимкрейтору от мага, да ещё в двух шагах от смерти? Вот в чём вопрос. Выброс мощной магической энергии произошел незадолго до смерти Мартина. Энергия есть порождение какого-то невообразимого по мощи артефакта. И мы, по всем подсчётам, лишь малый выплеск наблюдали. Впечатление складывается, что к нам на Землю один из инструментов создателя попал.

– Инструмент создателя? Немыслимо. – Воскликнул Карл.

– Мартин погиб, но перед смертью задал трёпку своим убийцам. Произошла нешуточная магическая битва. И родился Чёрный Дракон, так называемая Последняя Надежда. Дракон вылупился совершенно неуправляемый. На место происшествия прибыли маги Тумана. Им удалось справиться с Драконом.

– И в чём моя задача? – Подозревая нехорошее, поинтересовался Карл.

– Найти, и доставить сюда неизвестный артефакт. На месте схватки он найден не был.

Карл сжал руками подлокотники кресла.

– Задание из разряда пойди туда, не зная куда. Принеси то, не зная что.

– Другого выхода нет. Артефакт засветился и пропал. И если он попадёт не в те руки, сложно будет представить все последствия этого. Кто напал на Мартина Локирда не установлено. Он почти не оставил следов. То, что есть не достаточно, чтобы установить личность. Между этим неизвестным и Мартином произошла схватка. Удалось ли убийце завладеть артефактом, это вопрос. А ответить на него придется тебе.

– Хорошая задача, ничего не скажешь.

– Ну, лёгких дел для магов высшего посвящения просто не существует. Мелкими делами у нас другие занимаются. Все подробности проведённого альбионцами расследования, находятся здесь, – князь протянул барону папку с документами, – Важный момент. Скорее всего, артефакт имеет мимикрейторское происхождение. Но они его выпустили из своих рук, при чём добровольно. Даже умирающий чужак с таким инструментом в руках может наделать шороху на три Куликовых котлована. Думается так, мимикрейтор возложил на Дракона какую-то миссию. А он выполнить её не смог. Вернее, ему не дали её исполнить. А это, как сам понимаешь, вещи разные.

– Ложе Тумана остаётся только посочувствовать. Скоро у них на улицах Неупокоенный нарисуетя. А с ним справиться будет нелегко. Как никак бывший Дракон.

– Как бы тебе, Карл, с ним не столкнуться. Да потом ещё эту проблему решать не пришлось. Ведь охотиться вы будете за одним и тем же, – посочувствовал князь.

Миконя поежился от дурного предчувствия. Встреча с Неупокоенным его совсем не радовала.

– А ведь дело предстоит чертовски увлекательное, клянусь своей шляпой! – Воскликнул в сердцах барон.

– Вот-вот. Ты смотри, шибко то не увлекайся. И не торопись. Действовать ты будешь от лица Единорогов. С этого дня до завершения задания – успешного завершения, подчеркиваю – я снимаю с тебя все полномочия Тайного Кабинета. К тому же, это задание тебе предстоит выполнять не одному.

– Как это? Мне никто не нужен! – воскликнул барон. – Я всегда один работаю. Не люблю, когда в затылок дышат, боюсь заразиться.

Князь ухмыльнулся в бороду. Подобную реакцию он предполагал. Всё-таки Карл ничуть не изменился. Как был рубахой-парнем, так и остался. Вечный рыцарь-одиночка. Но только не в этот раз. Тут уж извините, подвиньтесь. Придется старших слушаться. Иногда это бывает чертовски полезно.

– Я в тебе, Карл, не сомневаюсь. И знаю, что за год палубной жизни ты навыков не растерял. Но это большой пирог, который нам одним кусать не дадут. Департамент Контрразведки включился в работу. Ситуация в мире беспокойная. Как бы мир не нарушился, как бы не быть войне. Вот Шпионская Лавочка и засуетилась, всплеск уловив. Чужую магическую энергию учуяли. К тому же сейчас в Фогштите просто собачья свадьба. Куда не плюнь, попадешь на шпиона. Так что наши охотники за чужими тайнами своего упустить не желают.

– Но мы-то тут при чём? Пусть отправляют своего соглядатая. А мне в затылок дышать не обязательно, – возразил барон.

Князь ухмыльнулся.

– Не всё так просто. Если ты с собой офицера контрразведки не возьмёшь, то нас спеленают по рукам и ногам. К тому же в Альбионе тебе не только с магами придётся работать.

Барон удручённо вздохнул и кивнул в знак согласия. Всё-таки согласился. Ещё год назад Мюнха так просто было не взять. До последнего бы сопротивлялся. А тут даже и не шибко то ерепенился. Вот что год вынужденного безделья с людьми делает. Стал практически шёлковым. Хотя думается, что ненадолго.

– И с кем мне придётся работать? – спросил барон.

Неужели что-то почуял? Или это совпадение?

– Я кстати вас сейчас и познакомлю.

Князю только что сообщили, что вызванная им Лора Ом прибыла в резиденцию Едино-рогов.

– Очень интересно.

Карл повернулся к входной двери.

Князь спрятал улыбку в усы, предвкушая следующую сцену.

Когда дверь распахнулась, он громогласно объявил:

– Агент третьего класса Лора Ом.

В кабинет вошла молодая женщина, одетая в мужской элегантный костюм. Но поражало в ней далеко не это. Встреть её где-нибудь в другом месте и в другой обстановке, трудно было бы сохранить трезвость рассудка. Она была не просто красива, а волшебно красива. Правильные черты лица, жгучие чёрные волосы, спускающиеся на плечи, светло-зелёные глаза, пухлые губки, словно специально созданные для ласк. Перед такой женщиной невозможно устоять. Изящная грациозная фигура, высокая грудь, стройные ножки.

Князь даже на секунду забыл, зачем она здесь. Так бы и любовался ею вечность. В мужском платье свободного покроя она смотрелась особенно соблазнительно. Князь постарался взять себя в руки. Получалось плохо. Тогда он напомнил себе, кто перед ним стоит. Лора Ом, первая и единственная женщина на военной службе Её Величества. Её часто называли «*саманой в юбке*». Хотя это не совсем соответствовало истине. На службе по уставу она юбку носить не могла. При всей своей обворожительности Лора была также неприступна, как сокровищница Зимнего дворца.

Но вот Карл, казалось, не оценил красоту. Он вскочил из кресла и воскликнул в сердцах.

– Мой Бог. Она же женщина.

– У всех свои недостатки, – глубокомысленно заметил князь.

– Позвольте, – оскорблённая Лора метнула возмущённый взгляд.

Она намеревалась вступить в бой, атаковать, но не успела.

– Но у вас, госпожа, нет недостатков, – закончил мысль князь. – Карл, чем ты недоволен. Такая красавица будет тебя сопровождать. А ты куksiшь, как карапуз, которому пирожное не купили.

Барон что-то пробурчал недовольно и упал назад в кресло.

– Коллеги, в путь вы отправитесь завтра. Ввиду чрезвычайной ситуации для вас будет открыт Портал между Александрией и Альбионом. Так что никаких тихоходных посудин. Напор и натиск!!!

ЧАСТЬ 2. МЮНХ

Глава 1. Волчица

Испокон веков старики говорили: *«Хорошее дело по первости не пойдёт»*. Что-нибудь, да радость от задуманного покарябает, какая-нибудь суковатая палка в колесо обязательно влезет. Да и не так, что вытащил и дальше поехал, а через миг уже о досадном приключении и не вспомнил, а так, что и колесо менять придётся, да как бы ни с телегой вместе.

Но разве о том голова болит, когда душа горит, а сердце плачет. Когда мечта в путь толкает в погоню за птицей счастья. Вот бы ее поймать, ухватить за шею, цепями-кандалами приковать, да и не отпускать вовеки. А ещё лучше влюбить в себя насмерть. Любовь – она, почитай, посильнее всяких там кандалов, цепей будет. Если уж прихватила, то надолго. Хорошо, когда ты в свою мечту влюблён до беспамятства, а когда она тебе взаимностью отвечает, итого лучше.

И так уж приключилось, что Старх ни о чём другом и думать не мог, как о воздушных исполинах, однажды проплывших над их деревней. Они и раньше проплывали, но вдалеке. Над лесами, где пряталось село Дырулье, над полями, за которыми процветала деревня Щавелька, а вот чтобы прямо над ними, так это в первый раз.

«На воздушных кораблях летать хочу. Да не абы как и кем бы там, а пилотом. Хочу воздушную стихию изнутри изучить, чтобы управлять ею. И будь что будет»

Так Старх для себя решил, наблюдая за воздушными исполинами. Он задумался, что нужно сделать, чтобы стать Пилотом. И понял, что не представляет, как это происходит. Откуда ему знать, мальчишке деревенскому, который окромя окрестных лесов ни сапога в жизни не видел. Как люди пилотами становятся, не представляет. И ведь посоветоваться не с кем. Братьёв не спросишь, засмеют. *«Иж дурень, чё удумал. Знай сапог земляной своё место»*. Да и им то откуда знать больше его. Другьям, да корешам по дворовым шалостям, тоже вопрос не по адресу. Они ещё те бестолочи. Для них корабли в воздухе чудо чудное, диво дивное.

Тогда кого же спросишь? Кто правду матку как есть, не утаивая, выложит. Разве что батька родной, да Матвей Авдотьев. Оба в город ездили по Забытому тракту, много чего там в цивилизациях видели. Только к батьке сунуться боязно, как есть выпорет, а к дядьке Матвею вроде бы и не страшно, да только потом деревня слухом забродит, что младшенький Андреев сын о небывалом выпрашивал. И что лучше? До отца слушок дойдёт, во враки превратившийся, много хуже будет. Тут уж одной поркой не отделаешься. Так как же быть?

Долго Старх размышлял, да взвешивал. Дней десять на улицу носа не казал. Братьёв, да родителей своим смурным видом пугал, да, наконец, решился с отцом поговорить. Из большего зла меньшее выбрал. Но тут беда приключилась, которая важный разговор надолго отложила.

Десять дней сидел в избе сиднем, никуда не ходил, даже не порывался. А тут сорвался в лес с Мишаней Авдотьевым. Никому ничего не сказал.

С батей Старх решил вечером поговорить, и на душе стало сразу счастливо и спокойно. А тут как раз Мишаня зашёл. Правда, его Старх всегда Михеем звал, в честь Михея Витязя, героя народных былин, детских сказок и страшилок. Все десять дней затворничества Старха Михей приходил к нему домой, справлялся, не заболел ли, не выйдет ли погулять, и уходил, не солоно хлебавши. И вот его упорство было вознаграждено. Михей так обрадовался другу, что и слов подобрать не смог. Щурился подслеповато на солнце, тёр веснушчатое лицо рукой, лохматил пшеничные волосы, да лыбился щербато. Передние зубы ему Ванька Савельев в драке прошлым годом высадил. Рубились на деревянных мечях так истоно, что шуточный игрушечный бой в настоящий перерос.

– Ты чего это не выходил? – Шмыгнув носом, спросил Михей.

– Да так. – Отмахнулся Старх.

Отвечать не хотелось.

– Да влюбился, небось, в пустотелку, – выглянул из избы брательник Никишка, – вот и тосковал по-волчьи.

Старх на него даже внимания не обратил. Никишка известный насмешник, но вот выслушивать его острословие нынче душа не лежала. Старх поднялся с крыльца, как стая пестрокрылых на зимовку в тёплые края, да выбежал со двора. Михей за ним, догнал, да предложил.

– Айда в лес, я там местечко нашёл. Лиса лисятами разжилась. Мальки совсем.

– Ну, пошли, – согласился Старх.

Ему очень хотелось прогуляться. Десять дней сиднем для такого живчика как Старх дались тяжело.

Знал бы он, какой бедой для них эта прогулка обернётся, трижды подумал бы, прежде чем в лес соваться. Да и не пошёл бы ни за какие коврижки. В лесу лиха искать на свою голову. Ищите дурака в другом поле.

А в лесу хорошо и нарядно. Многовековые деревья приоделись листвой, шумят на ветру, хвастаются друг перед другом новыми одёжками. Меж деревьев летают птицы, и галдят, словно портные примерку производят, где что ушить, где подтянуть, а где и вовсе новый костюм кроить надобно. Земля травой муравой поросла, словно недельной щетиной. Покрылись травой бугорки да пригорки, ямы да овраги. А сквозь траву уж грибы лезут, да все поганючие. Правильным грибам ещё срок не настал. Полезут когда красноголовики, боровики, да беляши, тут и лес наводнится охотниками по грибы по ягоды. А пока лес пустой стоит, безлюдный, словно девка на выданье.

Михей уверенно шёл вперёд, безошибочно находя одному ему известную тропку. Петлял меж кустов, продирался сквозь заросли зной травы, спускался в овражек, и поднимался в гору.

Старх старался не отставать. Сперва шёл вперед, думая о своём. Как с отцом будет разговаривать, что ему скажет и что услышит в ответ. А потом проснулся азарт охоты. И впрямь Михей, словно Пират, шёл по чьему-то следу, а Старх чувствовал себя в шкуре охотника. Только вот за кем они гнались, на кого охотились? А какая разница. Главное тропка впереди, гул говорящих деревьев над головой, да плечо друга рядом. Скоро Старх и думать забыл о предстоящем разговоре.

– Здесь недалеко осталось. За тем овражком, – оглянулся Михей.

Нападение твари было стремительным и смертоносным. Вот она выскочила чёрной молнией из-за кустов, упала на Михея, клацнули челюсти, вооружённые большими жёлтыми клыками. На яркую изумрудную траву пролилась первая кровь.

Для Старха же время замедлилось. Только и он замедлился вместе с ним. Он увидел большого чёрного волка с гнойниками глаз, прыгнувшего на Михея и вцепившегося ему в руку. Нужно было закричать, предупредить...

... но он не успел...

... не сумел...

Старх видел, как чёрная тварь разодрала руку друга, мотнула головой недовольно, и тело Михея полетело в сторону, словно обглоданная кость. Старх видел, как потух зазорный огонёк в глазах Михея. Душа у Старха поспешила занырнуть поглубже в пятки, тут тварь заметила новую жертву. Переступила лапами, прикидывая расстояние для прыжка, чуть присела на задние лапы, спружинила, замерла. Пасть раскрылась, и вывалился длинный горячий язык, похожий на кусок парного мяса.

Откуда взялась эта тварь? Из какой преисподней выбралась? Мысли мелькали в голове Старха. Ему грозила смерть, но как ни странно, смерти он не боялся. Только пошевелиться не

мог, словно в бездушную снежную бабу превратился. Но при этом твердо знал, с ним ничего плохого не произойдет. Только не сейчас. Его время еще не наступило.

Что же эта за тварь? Вроде на волка похоже, но это точно не волк. Таких волков отродясь в здешних местах не водилось. Тварь стояла перед ним, закусилась Михеем, теперь собралась схарчить его на обед. Но почему-то медлила, будто чувствовала, что перед ней не просто кусок мяса, а хищник серьезный. Такому и спину показать не зазорно, только боязно. Слабость почувствует и убьет без промедления.

Только разве Старху под силу с тварью справиться?

Какой тут хищник? Он же обыкновенный деревенский мальчик, в душе которого вспыхнуло (для этого не требовалось никаких дополнительных усилий) нерукотворное пламя.

Тварь летела к нему в предвкушении свежего сочного мяса с кровью, когда он простёр к ней руки. С кончиков пальцев сорвался сгусток огня и ударил в тварь. Тварь завывала и, охваченная пламенем, рухнула на землю. Она каталась по земле, пытаясь сбить огонь, ревела и скулила. Старх не отступил, подбавил огоньку. В его руках словно бы дрожал живой факел, и им он охаживал зверя по бокам. Запахло палёной шерстью и тухлым горелым мясом. Тварь пыталась отползти на безопасное расстояние, но Старх не отпускал её. Он успокоился только тогда, когда тварь испустила дух.

С пальцев Старха сорвались последние брызги огня. Он затухал, а перед ним, там где должна была находиться кровожадная тварь, покалечившая, а то и убившая Михея, лежал обгоревший человек. Женщина-уголёк, это было видно по холмикам запёкшегося мяса, некогда они были грудями.

Он победил. Только над кем? Над женщиной-тварью.

Додумать Старх не сумел. Свалился без сил. «Дыхание Дракона», так называлось заклятье, которое ему удалось интуитивно нащупать, выело из него всю энергию. Даже не хватило на то, чтобы удержать сознание. Свет потух перед глазами, и Старх надолго заснул.

Все, что с ним потом произошло, ему рассказали, когда он очнулся. Провалился же он без памяти больше месяца. Меду небом и землей целый месяц блуждал в потёмках, и все же выбрался на свет.

* * *

К вечеру того дня в деревне поднялся переполох. Родители спохватились, что мальчишки из лесу не вернулись, и поставили на уши всех соседей. Такое и раньше бывало, заиграется пацанва и забудет о времени. Вон уже и солнце в речку окунулось, а они все меж дерев, как русаки, петляют. Но чтобы к ужину не вернулись, такого уж никогда не случалось. Молодой организм голодный, побегал, поплутал, силенки израсходовал, надо и подкрепиться. Деревенская поросль никогда не страдала отсутствием аппетита. Но когда ребята не вернулись к ужину, тут Авдотьевы пришли к Андреевым решать, что делать и кто в лес пойдет.

Отцы Старха и Михея взяли старших сыновей и братьев, вооружились, да двумя партиями в лес отправились. Андреевы не ушли далеко, на окраине леса их нагнал Никишка. Батяка собрался было ослушника через колено перегнуть, скинуть с него портки, да отхайдокать как следует, сказано было дома сидеть. Но Никишка не дался. Он затараторил, что знает, мол, куда Старх с Михеем отправились, подслушал, мол, ненароком. И все как есть рассказал. Правда, соли в том рассказе ни на грамм не было. Поди, знай, сколько лис в лесу лисятами разжились. И кого именно Михей приметил, и где ребят следует искать.

Поиски продолжались несколько часов. Минуло за полночь, когда Пират наткнулся на тела мальчишек. Пирата в лес никто брать не хотел, но он так цепь рвал, что с собой не возьмешь, сам в лес убежит. Пришлось брать. Думали, все больше для проформы, а вон оно как оказалось.

На первый взгляд мальчики показались мертвыми. Бездыханно лежал Михей весь в кровище, одна рука неестественно вывернута, словно вовсе оторвана, и друга обнимал. А у Старха на устах блаженная улыбка застыла.

При виде своих мальчиков отцы чуть от горя не поседели. Хорошо, что тут же выяснилось, что пацаны живы, только без чувств. А рядом с ними лежала обугленная голая женщина. Свежая головешка. Но кто ее так уделал? Может мальчуганы на неё ещё живую наткнулись, и от ужаса увиденного потеряли сознание? Тогда откуда у Михея такая глубокая и страшная рана на руке, словно от клыков дикого яростного зверя. И если его покусал зверь, то куда потом делся? Попробовал мясо, не понравилось.

– Оборотень, – сказал Авдотьев старший. – Ей-ей оборотень. Та баба обгорелая и есть оборотень. Только вот кто ей шкуру подпалил?

Отцы недоверчиво переглянулись, а потом посмотрели на своих сыновей. Если не они, то кто. Несколькими днями позже к трупу бабы деревенские привели ведунью Агриппину. Она покружила над обуглышем, что-то долго бормотала, шурилась, точно от яркого солнца, потом подтвердила догадку Авдотьева. Оборотень на мальчишек напал, и им ещё повезло, что они наткнулись на зверя на исходе его силы. А вот откуда эта тварюга взялась? Сказать не смогла. Отродясь в их лесах подобной образины не водилось. Посмертные линии сгорели вместе с телом. Когда ведунью отцы спрашивали, кто мальчишек от напасти избавил и страшную зверюгу подпалил, она загадочно улыбалась и говорила, что сие ей неизвестно. Может, то божий промысел, а может, кто еще теми лесами шастает, кому «дыхание дракона» покорно.

Ничего путного отцы от неё добиться не смогли. Пришлось отступить, только Авдотьев старший стал подозрительно коситься в сторону Старха.

А мальчишки на поправку пошли. Не без помощи бабки Агриппины. Она ведала Михея, руку его врачевала, дурную кровь оборотную изгоняла. Жизни мальчика более ничего не угрожало, а вот руку спасти не удалось.

«Так и останется немощной», – сказала бабка Агриппина.

Авдотьевым лишь с сочувствием оставалось смотреть на Михея. Такой смыслённый, а на всю жизнь калекой остался.

Но как только болезнь отступилась от Михея, он поселился возле постели Старха. Не отходил ни на шаг. Он то знал, кто тварь спалил, да его от гибели спас. Только никому об этом не сказал, убоился. Одной ведунье Агриппине и смог довериться, а она нисколько не удивилась.

«Знаю, – говорит, – сила большая Старху дарована. Только сила его еще спит, не раскрылась, точно гусеница в коконе. Но срок наступит, вылупится. А пока все что у него было, он отдал, чтобы с оборотнем совладать. Теперь спит, силы восстанавливает».

Старх целый месяц спал. Не шевелился, но дышал. Андреевы на него с горечью смотрели. И не человек уж, а растение. Не мыслит, не говорит, но живёт, и дышит. Батюка его сдержать слёз не мог, каждый раз, как взглянет на сына. Если бы не бабка Агриппина, то в конец отчаялись бы, да похоронили уже, хотя бы в душе. Лишь ведунья деревенская и успокаивала, что всё идёт своим путём. Мальчишка вот-вот проснется, как силы накопит. Ей и верили, и не верили. Боялись поверить по-настоящему, ухватиться за призрачную надежду, а потом вместе с надеждой часть своей души и похоронить.

Первое, что увидел Старх, когда проснулся, встревоженное лицо Михея. И тут же память всколыхнулась, возвращая из небытия обугленную тварь. Ему показалось, что она ещё жива, что ему не удалось закоптить ее до конца. Он вздрогнул. В случае нападения он себя задешево не отдаст. Но увидел рядом с собой бабку Агриппину и тут же успокоился. Значит он дома, в избе, и весь этот лесной ужас уже позади. Глаза Михея лучились радостью. Тут взгляд Старха упал на безжизненную руку на перевязи, и он почувствовал укор совести. Сам живой, здоро-

вый, целый, а Михей теперь калека безрукий. И обида такая взяла жуткая, что аж плакать захотелось, только слез не было. Глаза сухие, того и гляди растрескаются, как глина в засуху.

Он должен что-то сделать. Старх наложил руки на искалеченное плечо Михея и зажался.

Из всех сил... из всех сил, что у него были, он возжелал исцеление другу. Внутри разлился мертвенный холод. Тонкими струйками он стекал в пальцы, и переливался в руку Михея. Когда первая капля льда просочилась в искалеченную руку, Михей вздрогнул, скорее от удивления. Он вновь чувствовал мертвую руку. Михей не понимал что происходит, но Агриппина улыбалась, значит, все в порядке. Меж тем руки Старха налились таким нестерпимым холодом, что терпеть, аж сил нет. Но бабка Агриппина показала жестом, сиди, мол, тихо, не рыпайся. И Михей подчинился.

Михей вспомнил, как в полынью на речке провалился прошлой весной. Тогда вода ледяная была, зубы тут же чечетку стали бить лихорадочно. Но все же та вода не настолько холодной показалась. Тут же лёд арктический. Михей до крови губу нижнюю закусил, чтобы не закричать. И тут все закончилось. Старх обессилено на подушки повалился. Бабка Агриппина схватила Михея и стала повязку сматывать с руки. Когда все тряпки спали, Михей увидел свою целую руку. Даже шрамов от клыков твари не осталось. Что тут произошло? Михей недоуменно переводил взгляд с улыбающегося Старха и изумленной бабки Агриппины.

– Тебе великая сила дадена, мальчик, – произнесла печально Агриппина.

И Михей уловил в ее словах уважение и преклонение сильного перед более сильным. Да что же тут творится? С чего бы ведунье всеми уважаемой (даже из соседних деревень приходили к ней за помощью) перед простым мальчишкой преклоняться. И тут Михея озарило. Если бабка Агриппина перед Стархом такое уважение выказывает, стало быть, он тоже ведун, да не из простых.

– О чем вы, бабушка? – спросил Старх.

Только спросил не для того, чтобы узнать. Он и так все знал.

– В тебе больше силы, чем во мне. Много больше. И твоя сила неисчерпаема. Ты с Оборотнем совладал, а что после этого сам слег, так это все из-за неумения правильно силы расходовать. Теперь ты еще и друга излечил, когда даже я от него отступилась. В тебе мощная сила, я чувствую её, только она не раскрылась еще вся. Лишь слабые ручейки выходят наружу.

– И что мне делать? – дрожащим от волнения голосом спросил Старх.

– Тебе нет здесь места. Ты можешь стать простым ведуном, болячки, да хвори чужие ведать, но тебе судьба другая уготована. Дорога в места иные, где ты сможешь дар свой реализовать.

– Я пилотом хочу быть, – выпалил Старх, – на кораблях воздушных летать.

– Такие люди, как ты, и на кораблях летают, да и не только.

– Такие люди, как я?... кто они?

– Они – маги. Ты – маг, мальчик мой. Потенциально сильный маг, но не проснувшийся. Чтобы проснуться, тебе еще очень многому нужно научиться. В первую очередь – как силами внутри тебя скрытыми управлять. Но этому я тебя научить не могу.

– А кто может?

– Они...

И бабка Агриппина рассказала ему о них. Великих и ужасных, могущественных и благородных, стоящих возле и служащих опорой трону, адептах ложи Белого Единорога, рыцарей стихий и энергий. То, что слышали мальчики, было песчинкой на дне океана знаний, но этого было достаточно, чтобы их души загорелись новой мечтой.

– Но как? Они вон где, в самой Невской Александрии, а я на мира окраине. Батка меня непустит, высечет, да под замок посадит, – с дикой тоской в голосе произнес Старх.

– Поговорю я с отцом твоим. Сама поговорю, – пообещала бабка Агриппина, – Он поймет. Другого не дано.

Глава 2. Караморгул

За свою долгую жизнь он сменил сотни имен, многие успел уже забыть. Но некоторые имена надолго впились в его память, и стали неотъемлемой частью его характера и биографии. В Лютеции его знали под именем Жака Роже. Почтенный рантье, человек доброго характера и отзывчивой души. В Праге и замках Алого кряжа его называли Кристофом Буджлахом. Обедневший помещик, любитель бабочек и природы. В Бухаре и по всему эмирскому миру его знали под именем Фаруха Бен Юсуфа. Великий ученый и астролог, давно отрешившийся от мира. В Фогштиле его знали как Генри Крамера. Скотопромышленник из графства Кентербери.

Большую часть жизни он провел инкогнито. Сколько лет ему еще предстояло скитаться, глотать дорожную пыль, жить на чемоданах и ночевать на постоялых дворах ради великой идеи, он сказать не мог. Но готов был саму жизнь положить, чтобы добиться возвышения родной ложи Огненной Химеры. Кому, если не ему, Караморгулу, Верховному Магистру ложи, посвятить этому свою жизнь.

Когда он только вступил во власть, ложа находилась в стадии увядания. Его адепты давно забыли о гордости и былом величии. Маленькая захудалая провинциальная ложа с непомерными амбициями и отсутствием какого бы то ни было влияния. Двадцать лет упорного труда и он, наконец-то, приблизился к цели. Не просто вернуть былое величие ложи Химеры, но возвысить ее до уровня Верховной Ложи.

И все благодаря случаю.

Караморгул уловил выплеск в магополе магической силы огромной мощности несколько месяцев назад. Эта сила превышала все известные ему артефакты. Неудивительно, что он тут же сорвался с места и перебрался поближе к источнику выплеска, на берега Туманного Альбиона в свою неофициальную секретную резиденцию. Две недели он убил на то, чтобы установить приблизительное месторасположение источника, еще десять дней на прощупывание почвы и переброску агентов. И, наконец, все было готово к операции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.